

VI.

Марія-Людвика, которая смотрѣла за дисциплиной и порядкомъ при дворѣ, о которыхъ король часто вовсе не заботился, такъ сильно напала на Тизенгауза, когда король пришелъ къ ней, такъ кипятилась, такъ горячилась, что Янъ Казиміръ слова не посмѣлъ сказать въ его защиту. Впрочемъ, проступокъ пажы былъ очевиденъ и великъ, такъ какъ нападенье подъ бокомъ у короля на сенатора могло быть очень строго осуждено. Заряженные пистолеты ухудшали дѣло. Янъ Казиміръ, спасая любимца отъ суда и публичнаго наказанія, сейчасъ-же объявилъ, что выгнать его вонъ и не будетъ держать при себѣ. Огорченный этимъ, сердитый на Радзеевскаго, король, недолго посидѣвъ у жены, сейчасъ-же отправился въ свои апартаменты и приказалъ позвать Тизенгауза. Онъ послалъ за нимъ одного за другимъ четырехъ пажей и стоялъ, ожидая его прихода и теребя кружевные рукава, когда на порогъ появился провинившійся, съ лицомъ нисколько не испуганнымъ и не покорнымъ, смѣло смотря въ глаза королю.

— Что-же это ты надѣлалъ?—воскликнулъ король, подходя къ нему ближе.—Съ ума ты сошелъ, что-ли? Съ пистолетами нападать въ замкъ на сановника? Это уголовное дѣло!

— Государь, — спокойно началъ Тизенгаузъ, — подканцлеръ очень оскорбительнымъ для меня образомъ, черезъ слугу, отозвалъ мнѣ отъ своего дома. Я ходилъ къ подканцлершѣ не всегда по своей волѣ, меня посылали...

Топнувъ ногой, король приказалъ ему молчать.

— Тебѣ ничего оправдываться, — воскликнулъ онъ: — ты совершилъ уголовное преступленіе! Да! уголовное преступленіе! Королева такъ разгнѣвана, что готова присудить тебя къ смерти. Хотя я и жалѣю тебя, но другого средства къ твоему спасенію нѣтъ: сейчасъ-же убирайся вонъ изъ замка и не показывайся на глаза; я выгоняю тебя! понимаешь?

Тизенгаузъ неустрашимо смотрѣлъ въ глаза говорившему.

— Государь!—началъ онъ.

— Молчи! Ничто не поможетъ!—прервалъ король.—Чтобы черезъ часъ тебя здѣсь не было!

Сказавъ это, Янъ Казимиръ съ безпокойствомъ осмотрѣлся вокругъ, потомъ быстро подошелъ къ Тизенгаузу и шепнулъ:

— Постарайся, чтобы кто-нибудь за тебя похлопоталъ передъ королевой. Я не знаю... Радзеевскій... или... ты долженъ просить прощенья.

Широко разведя руками, король наклонилъ голову, давая тѣмъ самымъ знать, что онъ ничего больше сдѣлать не можетъ...

Тизенгаузъ, несмотря на это, поблагодарилъ его за милость, поцѣловалъ руку и ушелъ гораздо болѣе спокойнымъ, чѣмъ казалось. Онъ былъ увѣренъ, что король, который любилъ его, нуждался въ немъ и привыкъ къ нему, найдетъ какое-нибудь средство спасти его. Дѣйствительно, Янъ Казимиръ сейчасъ-же шепнулъ канцлеру Радзивиллу, чтобы онъ какъ-нибудь оправдалъ передъ королевой этого сумасброда Тизенгауза и выпросилъ ему прощенье. И канцлеръ при первомъ удобномъ случаѣ выступилъ съ этимъ, но Марія Людвика не позволила даже говорить о немъ. Здѣсь дѣло шло уже не о Радзеевскомъ, а о порядкѣ и дисциплинѣ въ замкѣ. Послѣ Радзивилла въ защиту Тизенгаузу, также неудачно, выступилъ Волловичъ, затѣмъ вернулся кн. Альбрехтъ, увѣряя, что юноша полонъ раскаянія, что онъ сильно сожалѣетъ о своемъ необдуманномъ поступкѣ, сдѣланномъ въ первомъ порывѣ, что все его семейство убито горемъ. А такъ какъ канцлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ о мѣстѣ старосты для своего клиента, за что обѣщалъ 30.000 и постоянно вмѣшивалъ Тизенгауза въ это дѣло, то ему показалось, что Марія Людвика наконецъ смягчилась. Тизенгаузу же было сказано, чтобы приведенный канцлеромъ въ покои королевы, онъ бросился ей въ ноги и просилъ прощенья. Такъ и случилось: Марія Людвика уступила настойчивымъ просьбамъ, но король совершенно не вмѣшивался въ это дѣло. Онъ даже сначала показывалъ видъ, что ни знать, ни видѣть не хочетъ своего прежняго пажы, долго не хотѣлъ вернуть ему своихъ милостей, но въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько дней, Тизенгаузъ снова принялъ на себя прежнія

обязанности. Разумѣется, первымъ и самымъ главнымъ его дѣломъ было при первомъ же появленіи Радзеевскаго въ замкѣ по-пасться ему на глаза. Радзеевскій сильно почувствовалъ это, но—какъ это бывало не разъ, когда его встрѣчала какая нибудь неприятность—онъ умѣлъ ослѣпнуть, оглохнуть и представиться, что онъ ничего не знаетъ. Королевѣ онъ даже не напоминалъ объ этомъ, не спрашивалъ. Все-таки онъ выигралъ тѣмъ, что выгналъ изъ дома королевскаго посла, который бунтовалъ его жену, ибо онъ былъ увѣренъ, что Янъ Казиміръ подстрекалъ ее къ сопротивленію.

Гораздо болѣе важныя дѣла занимали теперь умы всѣхъ. Казаки, нарушивъ договоръ, снова подняли бунтъ, король вмѣстѣ съ королевой работали надъ тѣмъ, чтобы выставить противъ нихъ какъ можно большую силу, которая дѣлала-бы побѣду несомнѣнной. Король, побуждаемый королевой и самъ все болѣе оживляемый рыцарскимъ духомъ, былъ полонъ рвенія и пыла. Въ немъ произошла большая переменъна къ лучшему: отъ равнодушія и охлажденія, какія овладѣли имъ послѣ зборовскаго договора, онъ снова переходилъ къ увѣренности въ себя, въ Рѣчь Посполитую и помощь Божью.

Все готовилось къ войнѣ; королева никогда не была болѣе дѣятельна, оживлена и занята ею, какъ теперь.

Собирались огромныя силы, которыя должны были встать подъ начальство короля, кромѣ постоянного войска. Сенаторы, магнаты, епископы, состоятельная шляхта — выставляли по нѣскольку сотъ людей.

Между тѣмъ, Хмѣльницкій съ казаками уже разгуливалъ на Волыни, гетманъ Калиновскій торопился съ помощью; по воеводствамъ разсылались манифесты, чтобы приготовленные полки собирались какъ можно живѣе.

Стжембошъ также, согласно условію, хотѣлъ поспѣшить къ своему дядѣ подѣ Люблинъ, попросилъ у короля позволенія, но Янъ Казиміръ, какъ разъ пополнявшій свой отрядъ, состоящій изъ 400 придворныхъ, не хотѣлъ его отпустить. Поэтому онъ принужденъ былъ пока остаться, чтобы впослѣдствіи перейти къ Ксензкому. Онъ надѣялся добиться этого, поставивъ вмѣсто себя кого-нибудь другого, такъ какъ молодежь охотно кидалась въ королевскій отрядъ.

Движеніе въ замѣхъ, въ столицѣ, во всей странѣ было огромное. При тогдашнемъ способѣ организаціи немалую трудность представляло создать изъ ничего полкъ и выступить съ нимъ въ поле. Смѣло можно было сказать, что за 100 драгунами тащилось по крайней мѣрѣ столько же возовъ и дворни. Такъ что часто обозы бывали почти больше, чѣмъ самое войско, и эти слуги, какъ то было подъ Зборовымъ, привязавъ къ жердямъ скатерти и простыни, вмѣсто знаменъ, выступали противъ непріятелей и храбро сражались.

Всѣ до такой степени казались увѣренными въ побѣдѣ, что королева сама даже хотѣла сопутствовать мужу, а Радзеевскій, конечно, не безъ нѣкотораго расчета, шепнулъ женѣ, что и она можетъ съ нимъ ѣхать, на что канцлерша сначала съ удовольствіемъ согласилась. Во всемъ его поведеніи, на видъ непонятномъ, было множество разставленныхъ сѣтей, затянутыхъ узловъ, приготовленныхъ на всякій случай средствъ, которыя могли-бы обезпечить ему вліяніе и выгоду. Съ одной стороны онъ старался привлечь къ себѣ королеву, слегка и осторожно унижая въ ея глазахъ мужа и возвышая ее; съ другой—готовъ былъ черезъ жену привлечь къ себѣ короля, подозрѣвая въ немъ большое къ ней расположеніе. Всѣ эти интриги не очень хорошо ему удавались. Королева, правда, слушала, охотно пользовалась его услугами, но была слишкомъ умна, чтобы не чувствовать въ этомъ обмана и не понять интриги. Король, меньше знающій людей, болѣе снисходительный, легче забывающій обиды, переносилъ подканцлера, но инстинктивно не могъ его терпѣть и не позволялъ черезчуръ сблизиться, что выводило изъ себя Радзеевскаго, такъ какъ онъ зналъ Яна Казимира очень снисходительнымъ къ другимъ. Чѣмъ больше онъ навязывался, тѣмъ яснѣе высказывалъ ему Янъ Казимиръ свое отвращеніе.

Весна уже давала себя чувствовать.

Стжембошъ, собираясь идти въ полкъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ проститься съ Біанкой, но теперь до нея трудно было добраться, такъ какъ мать караулила ужасно. Нѣсколько дней онъ ходилъ въ костелъ Доминикановъ, подкарауливалъ на до-

рогѣ, но не могъ съ ней встрѣтиться. Стоя на часахъ у ихъ дома, онъ даже въ окнѣ не замѣчалъ никого, кромѣ старой Бертони. Не даромъ терялъ онъ время и при дворѣ. Поэтому, утромъ, помогая королю одѣваться, онъ сболтнулъ, что старая Бертони очень печалится и горюетъ, что можетъ быть государь утѣшить ее какимъ-нибудь доказательствомъ своей памяти. Король не былъ въ духѣ и проворчалъ:

— А тебѣ что за дѣло?

Наступило молчаніе. Стжембошъ не смѣлъ уже слова сказать, но Янъ Казиміръ подумалъ о старой знакомой. У него не было теперь никого, кто бы приносилъ извѣстія отъ подканцлерши. Итальянку нельзя было употребить на это, но черезъ нее отыскать кого-нибудь... добраться до кого-нибудь изъ прислуги. Король былъ уже совершенно одѣтъ, когда онъ съ нахмуреннымъ лицомъ обратился къ Стжембошу:

— Иди, скажи этой старухѣ, чтобы она зашла вечеромъ.

Дызмъ больше ничего не надо было. Бросивъ все, онъ побѣжалъ на рынокъ. На этотъ разъ ему такъ повезло, что онъ какъ разъ встрѣтилъ возвращавшуюся изъ костела Біанку. Дѣвушка сильно удивилась, что онъ осмѣлился проводить ее по лѣстницѣ до самаго верха. Тщетно старалась его отогнать старая компаньонка.

— Я присланъ сюда отъ короля, — проговорилъ Стжембошъ, — поэтому я иду смѣло.

По лѣстницѣ путь продолжался очень медленно. Дызма каждую минуту останавливался, дѣвушка не очень торопилась. Но наконецъ двери наверху растворились, смѣхъ на лѣстницѣ по неосторожности сдѣлался очень громкимъ. Бертони взглянула внизъ и начала кричать благимъ матомъ. Стжембошъ ей кланялся.

— Хорошо же вы принимаете королевскаго посла! Я присланъ къ вамъ отъ его величества.

— Врешь! — гнѣвно воскликнула итальянка.

— Я говорю святую правду.

Между тѣмъ Дызма поднялся за Біанкой наверхъ, но старуха прежде всего занялась тѣмъ, чтобы убрать дочь и запереть ее на ключъ, и тогда только вышла къ нему, сильно взбѣшенная.

— Наказанье Господне съ этимъ нахаломъ,—начала она, входя.—Неужели королю больше некого было послать ко мнѣ!

— Конечно, государь бы имѣлъ на выборъ десятки слугъ на мое мѣсто,—промолвилъ Стжембошъ,—но вы видите ясно, что онъ покровительствуетъ мнѣ и моей любви и поэтому всегда меня сюда присылаетъ.

Бертони прикусила губы.

— Ну, исполний же свое порученіе: мнѣ некогда, — сухо сказала она.

— Государь приказалъ мнѣ сказать, чтобы вы сегодня вечеромъ явились въ замокъ, но не обращались бы ни къ кому кромѣ меня, и я васъ проведу.

У старухи лицо даже почернѣло со злости, она бормотала что-то, но такъ невнятно, что Стжембошъ могъ только догадываться о проклятіяхъ. Она ничего не отвѣчала. Онъ ждалъ.

— Что же мнѣ сказать королю?—спросилъ онъ.

Наконецъ, Бертони обратилась къ нему съ презрительнымъ видомъ.

— Приду,—сказала она,—но ты не воображай, чтобы я когда-нибудь, хотя бы ты имѣлъ Богъ знаетъ какую протекцію у короля, позволила тебѣ приблизиться къ моему ребенку. Ты уже сто разъ впрочемъ слыхалъ это отъ меня.

— Да,—отвѣтилъ Дызма,—слышалъ, слушаю и—не вѣрю.

Онъ хотѣлъ продолжать, но итальянка, взбѣшенная до нелзя, бросилась къ дверямъ и вышла, запирая ихъ за собой.

Дызма долженъ былъ убраться.

Вечеромъ король самъ спросилъ про итальянку. Стжембошъ ввелъ ее. Янъ Казиміръ стоялъ смущенный.

— Видишь,—сказалъ онъ ей,—я przygotowляюсь къ большой войнѣ. Надо покончить съ этимъ проклятымъ мужичьемъ. Вскорѣ мы выступимъ.—Онъ раза два прошелся по комнатѣ.

— Есть у тебя кто-нибудь знакомый изъ окружающихъ подканцлершу?—спросилъ онъ, вдругъ останавливаясь передъ старухой.

— Га! это еще не выдохлось!—воскликнула Бертони.

Король наморщился.

— Не думай о ней плохо,—серьезно сказалъ онъ.—Это несчастная женщина, выбрала себѣ такого мужа...

— Который не позволяет ей вѣтренничать? — разсмѣялась итальянка, но Янъ Казиміръ топнулъ ногой объ полъ и разсердился.

— Не смѣй говорить мнѣ этого!

Итальянка подернула плечами, подперла лицо рукой и стояла молча.

— Есть у тебя кто-нибудь знакомый изъ ея свиты? — повторилъ король.

— Конечно, есть, — начала Бертони. — Сама пани подканцлерша была ко мнѣ очень милостива когда-то, покупала у меня кружева, шелкъ.

Смягчаясь, король подступилъ къ ней.

— Зайди туда, но не отъ меня; узнай, что тамъ дѣлается? Какъ они между собой? Этотъ грубіянь дѣлаетъ ей все наперекоръ. Она обливается слезами. Узнай... придешь донести мнѣ... но обо мнѣ не должно быть рѣчи. Я король и опекунъ, — больше ничего. Понимаешь? А если плохо исполнишь порученіе, то не показывайся мнѣ больше на глаза.

Онъ говорилъ такъ серьезно, рѣшительно, по-королевски, что итальянка, привыкшая обходиться съ нимъ очень безцеремонно, на этотъ разъ присмирѣла. Она только воспользовалась аудіенціей, попросивъ сначала, чтобы король никогда не посылалъ къ ней Стжембоша.

На третій день Бертони была уже въ замкѣ и старалась черезъ кого-нибудь другого изъ придворныхъ попасть къ королю, но тѣ, предупрежденные заранѣе, отдѣлывались отъ нея, пока пришелъ Стжембошъ. Съ большой предупредительностью ввелъ онъ ее въ гардеробъ, ибо король привыкъ здѣсь принимать подобные визиты.

Бертони начала рассказывать съ большимъ оживленіемъ.

— Я добралась до подканцлерши, но если бы не кружева и шелкъ, то меня навѣрное бы не допустили, — такой тамъ строгій надзоръ за всѣми, кто входитъ во дворецъ. Ахъ, какъ она измѣнилась, похудѣла, пожелтѣла, глаза заплаканные; но она справится сама — въ ней замѣтна госпожа. Я бы не пожелала быть на мѣстѣ ея мужа.

Король повелъ плечами.

— Я должна была вести себя очень осторожно, — продол-

жала Бертони, — потому что въ такихъ домахъ не новость подслушиваніе подъ дверьми. Наконецъ, уловивъ удобную минуту, я шепнула ей, что... можетъ быть я пришла къ ней не отъ себя, что высокая особа очень безпокоится о ея судьбѣ... но, сохрани Богъ, о вашей любви и рѣчи не было... Сначала бѣдная женщина начала плакать, а потомъ стала проклинать тотъ день и часъ, когда она отдала ему свою руку! Ну, я тамъ не знаю, но они должно быть не уживутся. Она не потеряла мужества. Потомъ говоритъ мнѣ: „У меня есть два брата, очень ко мнѣ привязанные; нужно будетъ: они придутъ ко мнѣ на помощь. Я не позволю продѣлать со мной то, что онъ продѣлывалъ съ двумя первыми жертвами, которыхъ онъ замучилъ и ограбилъ, нѣтъ! Я буду для него Божьей карой за всѣ его грѣхи. Онъ сдѣлалъ меня несчастной; я тоже не дамъ ему насладиться покоемъ, потому что онъ его не стоитъ“.

Итальянка немного остановилась, король слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и на лицѣ его жалость смѣнялась негодованіемъ. Бертони продолжала:

— Потомъ, снова поплакавши, она говоритъ мнѣ: „въ послѣднее время мужъ нѣсколько смягчился, я тоже не объявляю войны. Мы какъ будто-бы живемъ въ покоѣ, но онъ не долго продержится. Онъ былъ даже настолько любезенъ, что предложилъ мнѣ сопровождать его въ походѣ, такъ какъ королева, кажется, тоже собралась ѣхать“.

— Пусть и она ѣдетъ! — прервалъ король съ замѣтной радостью.

— Она тоже ничего не имѣетъ противъ этого, но говоритъ, что это хитрость съ его стороны, что, или не довѣряя ей, онъ желаетъ взять ее съ собой, или онъ замышляетъ что-то, о чемъ теперь трудно догадаться.

— Бояться нечего, она найдетъ защитниковъ, — вырвалось у короля. — Въ походѣ, на людскихъ глазахъ, онъ не можетъ ее преслѣдовать.

Бертони говорила еще:

— Бѣдняжка! а какое тамъ богатство и роскошь вокругъ нея! Да что-же изъ того, когда все обито слезами.

Король потиралъ руки.

— Моя Бертони, — сказалъ онъ, — если ужъ разъ ты сумѣла туда втереться и кружева открываютъ тебѣ двери, какъ только можно будетъ, узнай опять и сообщи мнѣ.

— Хорошо, мой король, — проговорила она, — но пусть же и мнѣ будетъ что-нибудь за этотъ трудъ, а я не требую ничего больше, какъ только, чтобы ты не присылалъ мнѣ этого молокососа своего Дызму, потому что онъ увлекаетъ мою дочь, а я ее ему не отдамъ,

Король улыбнулся.

— Онъ славный малый, честный, красивый, и я люблю его. Что ты противъ него имѣешь?

— Во-первыхъ, онъ голъ, какъ соколъ, — воскликнула раздраженная Бертони, — во-вторыхъ, у него ни кола, ни двора, фамилія чортъ знаетъ какая, а я отдамъ свою дочь только за сенатора.

Король началъ смѣяться.

— Чтобы она была съ нимъ такъ счастлива, какъ подканцлеша съ этимъ мужикомъ.

Сказавъ это и не продолжая уже разговора, онъ вышелъ.

VII

Въ лагерѣ подъ Люблиномъ, куда стекались войска, было теперь гораздо больше жизни и движенія, чѣмъ въ столицѣ. Знакомый намъ Ксензкій — былъ теперь ротмистромъ дивизіи Любомірскаго и туда приездъ съ собой свою веселость, остроту, воинственный духъ и готовность къ битвѣ. Она изобиловала подобными ему ветеранами, посѣдѣвшими на службѣ Рѣчи Посполитой. Передъ выступленіемъ короля изъ Варшавы, когда Стжембошъ убѣдился, что въ королевскомъ полку ему трудно удержаться, благодаря требуемому отъ его товарищей дорожному вооруженію, онъ отпросился къ дядѣ и посѣшилъ въ Люблинъ. Ему казалось, что, когда онъ пріѣдетъ туда, то ничего не будетъ легче, какъ отыскать Ксензкаго, но станъ былъ такъ великъ, что хотя и всѣ знали Сташка, однако никто не могъ сказать, гдѣ его искать.

Убивъ весь день на розыски, только уже подъ вечеръ измученный, голодный, Стжембошъ наткнулся наконецъ на корчмѣ, гдѣ стоялъ Ксензкій. Встрѣча была очень сердечная. У Ксензкаго, какъ и всегда, комната была наполнена друзьями; только здѣсь, разсмотрѣвъ ихъ, Стжембошъ могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о старомъ рыцарствѣ.

Одѣты были очень странно, одни по черкески, другіе по татарски, по итальянски, одежда то очень короткая, то слишкомъ длинная, а лица изрубленные, нѣкоторые почти до костей, то безъ глаза, то со щекой, провалившейся отъ пули, но всѣ гордые, строгіе, а настроеніе духа такое же разнообразное, какъ и лица. Нѣкоторые, какъ сѣли на лавку и оперлись руками о столъ, такъ и сидѣли цѣлый часъ, не произнося ни слова, у другихъ ротъ не закрывался; нѣкоторые напѣвали. Молокососа сейчасъ же стали спрашивать.

— Когда король выступаетъ изъ Варшавы? Прямо ли направлятся въ Люблинъ? Правда-ли, что королева слѣдуетъ за нимъ со всей своей свитой?

— Пусть-бы не позабыли и о музыкѣ, — сказалъ Ксензкій, — пока мы запляшемъ татарскую, можно бы пройти и гавоть...

— Но вѣдь это просто курамъ на смѣхъ, — замѣтилъ одинъ старикъ, — мало и такъ у насъ воевъ, чтобы еще набивать лагерь бабами? Дойдетъ дѣло до столкновенія съ казаками: надо будетъ цѣлую дивизію оставить караулить.

— Мнѣ кажется, — прервалъ Стжембошъ, — что королева только проводить мужа, а какъ только мы услышимъ о не-пріятелѣ, вернется въ Варшаву. Правда, про ея мать говорить, что она была истая амазонка и очень воинственнаго духа, но я не думаю, чтобы она пожелала сама сѣсть на коня.

— Что касается короля, — продолжалъ Стжембошъ, — то никто никогда не видѣлъ его въ болѣе возбужденномъ состояніи, чѣмъ теперь.

— Дай только Богъ, чтобы ополченіе не обмануло надежды! Долго продолжались бесѣды у Ксензкаго, но въ сумерки всѣ начали расходиться.

Стжембошъ остался при дядѣ.

— Ахъ, отецъ мой! — воскликнулъ Дызма, когда всѣ разошлись и они остались одни, — ей-Богу, живя столько лѣтъ на свѣтѣ, я все-таки видалъ много людей, но такихъ, какихъ я встрѣтилъ сегодня, я никогда не встрѣчалъ.

Ксензкій разсмѣялся.

— Что же ты въ нихъ видишь особеннаго?

— Все, — отвѣчалъ Стжембошъ, — начиная съ головы и до пятокъ, не исключая рѣчи и обычаевъ.

— Да, это не мѣщане, — говорилъ Ксензкій, — воспитанные въ клѣткѣ, но настоящіе старые рыцари, выросшіе и посѣдѣвшіе въ полѣ. Ты видѣлъ на лавкѣ этого великана въ необыкновенномъ плащѣ, съ худымъ лицомъ, остроконечной головой, ввалившимися щеками, пронизательнымъ взоромъ, уже не молодого, который постоянно теръ столъ ладонью, такъ рука чесалась отъ бездѣйствія? Это у насъ славный человѣкъ. Теперь онъ намъ ни на что не пригодится; но пусть бы пришлось идти въ чужую землю, заняться непріателемъ, безъ этого человѣка всѣ бы съ голода поумирали. Когда лошадямъ нужно было сѣно, а людямъ хлѣбъ, тамъ, гдѣ десять человѣкъ прошли и ничего не нашли, нашъ Венгоржевскій, неизвѣстно какимъ образомъ, добывалъ и хлѣбъ, и провіантъ. Его отправляли, онъ ѣхалъ съ самымъ флегматическимъ видомъ, осматриваясь вокругъ, молча или охая и вздыхая, и никогда не возвращался съ пустыми руками. Тѣ, которые видѣли, какъ онъ дѣйствовалъ, не могли нахвалиться его пронизательностью. Какъ собаки выслѣживаютъ звѣря, такъ онъ умѣлъ выслѣживать разные склады. Венгоржевскій такъ умѣлъ дѣйствовать, что люди сами себя выдавали. Тогда онъ забиралъ все, но давалъ росписки. Сохрани Богъ, чтобы онъ когда-нибудь что-нибудь взялъ безъ росписки. Пусть бѣдняки хоть этимъ лоскуткомъ бумаги потѣшатся, — говорилъ онъ. — Заплатятъ-ли имъ за это, не мое дѣло, а не могу-же я дать людямъ и лошадямъ издыхать съ голода!» На жалобы Венгоржевскій отвѣчалъ, складывая руки:

«Жаль мнѣ васъ, бѣдные люди, но война имѣетъ свои права, просите у Бога избавленія отъ голода, огня и войны; я ничего не могу подѣлать». Тотъ, что за столомъ сидѣлъ, или вѣрнѣе лежалъ на лавкѣ, огромнаго роста человѣкъ, съ

огромнымъ носомъ, костлявый, молчаливый, — я не знаю, видѣлъ-ли ты его?

— Еще-бы! — возразилъ Стжембошъ: — я всѣхъ ихъ запомнилъ; онъ показался мнѣ тяжелымъ и мѣшковатымъ.

Ксензкій разсмѣялся.

— Это знаменитый воинъ, по имени Пжецлавъ Горжинскій. Сколько этотъ человекъ людей изрубилъ — и не перечесть, и всегда однимъ способомъ. Правда, у него и конь уже приученъ къ этому. Въ стычкахъ онъ всегда становится въ первомъ ряду и съ краю. На лошади онъ не кажется такимъ сильнымъ, потому что у него длинныя ноги и короткое туловище. Онъ выѣзжаетъ несмѣло, медленно; кто-нибудь столкнется съ нимъ, онъ сдѣлаетъ два-три взмаха саблей — и начинаетъ удирать. Непріятель, конечно, преслѣдуетъ его; немножко отѣхавъ, онъ убавляетъ шагъ, подпустить непріятеля почти себѣ на шею, да потомъ какъ обернется, какъ хватить со всего размаху саблей, такъ или лобъ раскроить, или голову отрубить. Затѣмъ, вытеревъ мечъ, медленнымъ шагомъ спятъ въ ряды. Въ сжатомъ строѣ ему тѣсно, онъ самъ не свой, дерется неохотно, только когда ему удастся выманить кого-нибудь въ полѣ — тамъ уже онъ какъ дома. Разъ, онъ, вернувшись домой изъ татарскаго похода, говорятъ, привезъ съ собою въ Троки мѣшокъ у сѣдла. Хозяйка, обнявъ мужа, начала разсматривать его узелки. Попался ей подъ руку мѣшокъ «А это что?» Панъ Пжецлавъ скривился. — «Э, это... мы ѣхали черезъ еловый лѣсъ, я набиралъ себѣ рыжиковъ, да только, пожалуй, несвѣжіе будутъ». Она начала скорѣе развязывать мѣшокъ, заглянула въ него, вскрикнула и чуть не упала. Мѣшокъ былъ наполненъ отрѣзанными татарскими ушами. Хотѣли сейчасъ-же выкинуть, но онъ заставилъ сначала сосчитать. Уже я тамъ не знаю, сколько ихъ тамъ было — но только онъ вѣялся, что больше какъ по одному уху съ головы не бралъ. Подожди, братъ, — смѣясь, прибавилъ Ксензкій, — осмотришь только вокругъ. Это не королевскіе покои, гдѣ нарядные, точно восковые куелы, паничи стоятъ, похожіе одинъ на другого, каждый таковъ, какимъ его Богъ создалъ.

На другой день Ксензкій повелъ своего племянника по всему лагерю, по знакомымъ пріятелямъ. Полки еще медленно

собирались и устанавливались со своими начальниками. Не легко было Ксензкому отыскать своего полковника Надольскаго, которому онъ хотѣлъ представить и поручить своего племянника.

Надольскій былъ, — какъ говорили, — скупъ, и онъ, дѣйствительно, могъ такимъ показаться, хотя на самомъ дѣлѣ его можно-бы назвать суровымъ. Тогда какъ одни полковники были слишкомъ радушны, цѣлый день принимая гостей съ накрытымъ столомъ, добиваясь такимъ путемъ популярности, этотъ вовсе не накрывалъ столовъ и самое большое, если угостилъ кого-нибудь рюмкой водки и закуской.

— Тѣмъ господамъ, которые ко мнѣ приходятъ, моя ложка супа или кусокъ жаркого не такъ-то нужны, а если я ихъ 50 человекъ накормлю и напою, такъ это сдѣлаетъ мнѣ дыру въ карманѣ. Лучше я отдамъ бѣдному.

Поэтому, у него не было ни большой палатки, ни прислуги. Роскоши и пышности онъ тоже не терпѣлъ вокругъ себя.

Когда, исходивъ вдоль и поперекъ весь лагерь, они очутились наконецъ въ углу, гдѣ стояла простая войлочная палатка Надольскаго, они застали его дома, съ полковымъ писаремъ, за реестромъ. Это былъ человекъ уже не молодой, сухой, съ подстриженными усами, гладко выбритой головой, одѣтый такъ, что въ немъ трудно было угадать начальника. Въ темной епанчѣ, надѣтой на красный жупанъ, въ черныхъ высокихъ сапогахъ, онъ скорѣе походилъ на греческаго, чѣмъ на солдата, хотя онъ всю жизнь провелъ въ войскѣ. Но это былъ солдатъ, своего рода, котораго всѣ очень боялись. Онъ никому не давалъ спуска, по вѣто никого изъ своихъ не позволялъ обидѣть и заботился объ нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ. Когда, войдя въ палатку, Ксензкій представилъ ему своего племянника, Надольскій началъ пристально осматривать его. Узнавъ, что онъ пришелъ сюда прямо отъ двора, онъ немного поморщился.

— Ты являешься къ намъ оттуда, гдѣ всѣ люди балуются.

— Поэтому-то я и хотѣлъ имѣть его при себѣ, — прервалъ Ксензскій, — чтобы онъ не обабился при дворѣ. Малый здоровый и желанье есть, пусть только закалитъ себя — и изъ него выйдетъ отличный солдатъ.

— Дай-то Богъ, — прибавилъ Надольскій, и спросилъ Стжембоша:

— Скоро-ли прибудетъ къ намъ нашъ государь?

— Я думаю, что скоро,—сказалъ Дызма,—такъ какъ онъ самъ сгораетъ нетерпѣніемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пришли вѣсти отъ гетмана Калиновскаго, но трудно собраться со всѣмъ дворомъ, къ тому-же и королева провожаетъ...

— Я слышалъ объ этомъ и не хотѣлъ вѣрить,—возразилъ Надольскій. — Мы вѣдь не будемъ здѣсь играть комедій, на которыя ей интересно было-бы посмотрѣть. Бабамъ, хотя-бы и самой королевѣ, здѣсь не мѣсто.

— Кромѣ королевы, за ней, кажется, собирается много другихъ,—прошенталъ Стжембошъ.

— Этого еще не доставало,—проворчалъ Надольскій. — Казаки навѣрное порадуются этому, потому что женщины безъ бездѣлушекъ и драгоценностей не поѣдутъ, а это для нихъ хорошая добыча.

Полковникъ плюнулъ, потомъ взглянулъ на бумагу писаря, который сидѣлъ, въ ожиданіи диктованія,—и сказалъ Ксензкому:

— Возьми же этого новичка въ свои руки и съ самаго начала не оказывай ему ни въ чемъ снисхожденія, если только хочешь изъ него имѣть хорошаго солдата.

На этомъ разговоръ кончился, потому что Надольскій взялъ бумагу, а это значило, что больше мѣшать ему не годилось.

Они уже возвращались, съ трудомъ пробираясь между палатками и шалашиами, возами и лошадьми, какъ вдругъ до слуха ихъ донеслись крики, возгласы «ура», тосты и смѣхъ, раздававшіеся изъ большой палатки, окруженной нѣсколькими маленькими. Ксензкій остановился, желая какъ-нибудь избѣгнуть этого собранья.

— Если насъ здѣсь подцѣпять,—промолвилъ Ксензкій,—не легко намъ будетъ вырваться. У Надольскаго не на что было сѣсть и негдѣ повернуться нѣсколькимъ человѣкамъ, а у пана стражника Марьяна Яскульскаго, какъ видишь, съ утра и до вечера постоянно множество гостей.

Тщетно Ксензкій искалъ какого-нибудь выхода, который далъ бы ему возможность какъ-нибудь обойти Яскульскаго, но направо обвалилась земля и былъ такой крутой обрывъ, что

нельзя было пройти, а слѣва густо стояли палатки, соединенныя между собой возами. Поэтому, ничего не оставалось, какъ пройти незамѣченными бокомъ, что для Ксензкаго, извѣстнаго всѣмъ и всѣми любимаго, было немыслимо. И дѣйствительно, только что они приблизились, какъ Клодзинскій, старый ротмистръ, съ огромнымъ кубкомъ стоящій съ края пировавшихъ, вскричалъ:

— Сташекъ! Стой! пароль! Не удерешь! взять его. Свой не знаетъ пароля!

А тутъ уже толпой бросились изъ палатки товарищи, крича „Ксензкій! Ксензкій!“ и самъ Яскульскій выбѣжалъ ему на встрѣчу крича:

— Гдѣ? гдѣ? Подайте его сюда... подайте!

Удирать уже не было никакой возможности. Передъ ними стоялъ уже панъ стражникъ и съ радушной улыбкой привѣтствовалъ Ксензкаго, какъ желаннаго гостя.

Среднихъ лѣтъ, но выглядѣвшій очень молодымъ, свѣжій, румяный, съ красивымъ лицомъ, съ рыцарскимъ выраженіемъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то такое привлекательное, что никакъ нельзя было устоять противъ его просьбъ. Хорошій товарищъ, услужливый, добрый, готовый на все, онъ былъ однимъ изъ любимцевъ цѣлаго лагеря и былъ извѣстенъ почти всѣмъ. По костюму, довольно коротко подрѣзанному по послѣдней модѣ, хорошо сшитому, хотя уже поношенному и преждевременно залитому пятнами за столомъ, видно было, что Яскульскій любилъ наряжаться и хотѣлъ казаться красивымъ. Знали за нимъ его страсть и женщины, которыя также льнули къ нему. Закрученные кверху усики, волосы въ булки, глаза черные, полные огня, уста розовыя, улыбающіяся, щеки розовыя, свѣжій цвѣтъ лица, — все это дѣлало его гораздо моложе, чѣмъ онъ былъ.

— Ксензкій, — кричалъ онъ, — не дѣлай мнѣ такой обиды, чтобы пройти мимо моей палатки, не помочивъ усы и не разломавъ хлѣба.

— Дорогой стражникъ, — сказалъ Ксензкій, — некогда мнѣ, я веду новичка, своего племянника, котораго надо снарядить съ головы до пятокъ, а у меня такъ мало времени.

Онъ указалъ на Стжембоша.

— Ну, такъ—какъ разъ, значить, надо облить виномъ новичка!—вскричалъ Яскульскій.—Долженъ же онъ быть окрещень.

— Стражникъ мой,—прервалъ Сташекъ,—онъ ѣдетъ прямо изъ Варшавы, отъ двора, а тамъ некрещеныхъ не держать.

Между тѣмъ уже несопротивляющагося Бсензкаго подхватили и потащили въ палатку, а Стжембошъ долженъ былъ за нимъ слѣдовать. Столъ, къ которому ихъ притащили, подходилъ уже на завоеванный городъ. Не было на немъ недостатка въ полныхъ блюдахъ и кувшинахъ, но опорожненныхъ было еще больше, а накрошеннаго хлѣба, опрокинутыхъ стакановъ и кубковъ валялось множество. На землѣ также звенѣло подъ ногами битое стекло. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ сидѣли еще кучками передъ кувшинами, нѣкоторые спали, положивъ головы на руки: вокругъ стола ходили, толпились, толкали, разговаривали.

Хмѣль, татары, король, народное ополченіе, обѣщанные полки пановъ составляли темы всѣхъ разговоровъ.

— На этотъ разъ,—говорилъ съ огромными усами шляхтичъ, на которомъ платьѣ чуть не лопалось,—такъ было ему тѣсно, что отлично обрисовывало его огромную, сильную, хорошо сложенную фигуру,—на этотъ разъ ополченіе не обманетъ, отовсюду приходятъ самыя лучшія извѣстія. Сами воеводы ведутъ, князь Доминикъ тоже идетъ!

Онъ презрительно разсмѣялся, поводя плечами.

— Въ томъ только вопросъ, долго ли выдержать съ нами въ полѣ шляхта, потому что она затоскуетъ по домѣ, а ужъ если ей захочется женинаго супца, такъ ужъ никакая сила ее не удержитъ!

— Я дольше, какъ за 6 недѣль не ручаюсь,—замѣтилъ другой.

— А если война такъ скоро не кончится, тогда что?—спросилъ уса́тый великанъ.

— То она падетъ на наши плечи,—воскликнулъ другой,—и мы должны будемъ ее доканчивать.

— А я такъ думаю,—сказалъ другой,—что если Богъ ужъ очень немилостивъ будетъ, то все дѣло даже четырехъ недѣль не протянется. Такое войско, какъ будетъ наше, ни

татары, ни казаки еще въ жизни не видывали. Если мы навалимъ на нихъ всей массой, мы ихъ въ порошокъ сотремъ.

Стоящій рядомъ недоувѣрчиво разсмѣялся.

— А между тѣмъ, говорятъ, — воскликнулъ кто-то сбоку, — что Хмѣль, приглашая хана и уговаривая его нарушить союзъ, увѣрялъ, что только теперь онъ идетъ за добычей, и будетъ горстями брать медъ изъ этого улья, нисколько не боясь пчелъ.

— И ханъ далъ себя уговорить, — сказалъ другой. — Какъ слышно, тащится огромная орда и производитъ страшныя опустошенія.

— Мы имъ отмстимъ, — виѣшался подошедшій Яскульскій. — Я знаю навѣрное, что король, собираясь выступить, совѣтовался съ астрологами; звѣзды пророчатъ большую побѣду...

— Я звѣздамъ не вѣрю! проворчалъ другой.

Ксензкій и Стжембошъ, поблагодаривъ за ѣду, должны были все-таки опрокинуть по кубку съ хозяиномъ, а Дызму, какъ прѣхавшаго изъ Варшавы, сейчасъ же подхватили на допросъ, что тамъ дѣлается.

— Я слышалъ, — сказалъ Яскульскій, — что въ Люблинъ прибудетъ папскій нунцій къ королю; для него уже приготовлена квартира.

Вскорѣ разговоръ отъ двора перешелъ къ войску. Стали высчитывать, что каждый изъ пановъ ведетъ съ собою.

— Два брата Пясецкіе, не очень богатая шляхта, на свой счетъ выставляютъ полкъ, — сказалъ кто-то.

— Поэтому, что же удивительнаго, что Радзеевскій выступитъ съ конницей, которую онъ обмундируетъ и вооружитъ изъ цейхгауха Казановскихъ?

— Сами Радзивиллы ведутъ пять или больше полковъ, — прибавилъ кто-то другой.

— Шляхтичъ Фредро сто коней.

— Денгофъ также нѣсколько сотъ.

— Князь Доминикъ нѣсколько полковъ, — разговаривали гости.

— Для князя Доминика этого мало, если ужъ Пясецкіе даютъ полкъ, — прервалъ Ксензкій. — Соразмѣривъ силы, сотня пана Фредры больше стоитъ чѣмъ тысячи Замойскаго.

— Замойскій выставитъ больше! — выступилъ на защиту кто-то.

Вообще всё смотрѣли въ будущее очень спокойно. Несмотря на приходившія извѣстія о разграбленіи татарами нѣсколькихъ городовъ, которые стояли открытыми, не падали духомъ, потому что, съ другой стороны, гдѣ только былъ укрѣпленный городокъ или какой нибудь валъ, тамъ побѣдоносно защищались гарнизоны.

Кромѣ серьезныхъ разговоровъ можно было послушаться достаточно и пустой болтовни, разныхъ анекдотиковъ, которыми угощали другъ друга, не пренебрегая никакими средствами, чтобы вызвать смѣхъ. Тамъ и сямъ раздавались пѣсенки, которыя поются только въ мужской компаніи...

Не скоро удалось Ксензкому, подавъ знакъ Стжембошу, тихо и незамѣтно встать изъ за стола и выбраться изъ этого табора, тщательно избѣгая другихъ подобныхъ гостепріимныхъ палатокъ, въ которыхъ раздавались пѣнье, музыка и смѣхъ.

— Все такъ весело начинается,—сказалъ Ксензкій,—хотя часто оканчивается очень грустно. Дай Богъ, чтобы мы въ такомъ же настроеніи вернулись на зимнія квартиры, домой. Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, но я боюсь, когда человекъ слишкомъ много себя общаетъ.

УШ.

Казалось, все, что только жило, стекалось теперь въ Люблинъ съ королемъ или за королемъ, хотя ничто не должно было здѣсь рѣшиться, и сборнымъ пунктомъ ополченія былъ назначенъ Константиновъ. Но говорили, что Янъ Казиміръ, очень набожный, хотѣлъ на этотъ походъ получить благословеніе дерева Св. Креста, довольно большой обломокъ котораго, какъ извѣстно, сохранялся въ костелѣ ксендзовъ Доминикановъ; поговаривали также и о благословеніи, которое долженъ былъ привезти ему сюда папскій нунцій изъ Рима.

Все это привело сюда и тѣхъ, которымъ необходимо было здѣсь присутствовать, и такихъ, которыхъ влекло сюда простое любопытство и, наконецъ, даже тѣхъ, которые въ мутной водѣ рыбу ловятъ, или, по крайней мѣрѣ, воду мутятъ. Къ

этимъ послѣднимъ могъ причислиться и знаменитый въ свое время буянь и забіяка, не уступающій ни одному изъ тѣхъ, которые при Баторіи подняли въ сеймѣ борьбу съ королевскимъ величіемъ, чтобы показать могущество шляхты, — панъ подчашій Сандомірскій, Мацѣй Дембицкій. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, вмѣсто того, чтобы кланяться и льстить двору, старались войной и угрозами добиться отъ него, чего они требовали, и, наконецъ, хвастались тѣмъ, что шляхта считала ихъ защитниками золотой свободы. Сердечный другъ и пріятель пана Радзеевскаго, готовился панъ подчашій, какъ только пробьетъ часъ, ударить на короля, встать рядомъ съ подканцлеромъ, подъ его знамя. Онъ по прозванію своему былъ забіякой. Гдѣ только собиралось нѣсколько человѣкъ на совѣщаніи, званый-ли, нѣтъ ли, — онъ спѣшилъ туда, чтобы надѣлать шуму и не допустить до согласія. Ему никогда не было дѣла до самой сути дѣла, ему нуженъ былъ только удобный случай похвастаться: вотъ, молъ, я вѣрный стражъ свободы, все бодрствую на своемъ посту. Войска собирались въ Люблинъ; сюда должна была прибыть королевская чета съ канцлерами и подканцлерами: какъ же было Дембицкому не явиться?

Подканцлеру, для того, что онъ замышлялъ, нужно было какъ разъ такого человѣка, какъ Дембицкій, а подчашему такого вожда, какъ онъ. По первому слову Дембицкій могъ поднять шумъ и даже волненіе, чтобы подканцлеру было что умирять и такимъ образомъ возражать въ своемъ могуществѣ. Оба они не знали ни любви къ Рѣчи Посполитой, ни совѣсти, а цѣль ихъ была — возвыситься и обогатиться, какимъ бы то ни было способомъ. Для Радзеевскаго подчашій былъ отличнѣйшимъ орудіемъ. Надѣясь найти его здѣсь раньше, Дембицкій явился въ Люблинъ и только здѣсь узналъ, что Радзеевскій пріѣдетъ вмѣстѣ съ королемъ и женой. Не теряя времени, онъ пустился по войску, имѣя тамъ много знакомыхъ. Правда, здѣсь нельзя было такъ легко и свободно буянить, такъ какъ этому мѣшала дисциплина, но тревожныхъ, безпокойныхъ умовъ было достаточно, а посеять зерно изъ котораго могъ вырасти заговоръ, очень пріятно улыбалось ему.

Не было отряда, полка, у котораго бы не залежалось жалованья; такъ что стоило только нажать эту пружину, и всегда поднималось волненіе. На другой же день по прибытіи, панъ подчашій жаловался на ужасныя злоупотребленія относительно войска и на то, что всѣ подати и прочіе сборы уходили на разныя прихоти, тогда какъ неоплаченное войско Рѣчи Посполитой умирало отъ голода. Многіе ему поддакивали.

Случилось такъ, что Ксензкій со Стжембошомъ, уже не у Яскульского, а у пана Габріеля Стемпковскаго, встрѣтились съ подчашіимъ Дембицкимъ, который, давъ языку волю, послѣ нѣсколькихъ кубковъ началъ насмѣхаться надъ королемъ и выдумывать на него разныя вещи. Разговорились какъ разъ о томъ, что королева, а съ нею и другія дамы ѣхали за Яномъ Казиміромъ въ Люблинъ.

— Нашъ вѣдь всемилостивый государь,—промолвилъ подчашій,—любитъ бѣлое мясо. Между прочими, весь свѣтъ это знаетъ, тенерешняя пани подканцлерша Радзеевская еще при жизни своего перваго мужа была очень мила и любезна, но съ паномъ Іеронимомъ не то, что съ паномъ Адамомъ, онъ и короля отшить сумѣетъ!

Стжембожь, который стоялъ тутъ-же и какъ королевскій придворный, чувствовалъ своей обязанностью защищать его, не долго думая, крикнулъ:

— Какъ придворный короля, хорошо знающій его дѣла, я называю эти слова ложью и клеветой! Неправда, король никогда не былъ для подканцлерши ничѣмъ другимъ, кромѣ какъ опекуномъ.

Дрожащимъ и страстнымъ голосомъ брошенное обвиненіе какъ громомъ поразило Дембицкаго; онъ грозно повернулся.

— А вашность кто такой, чтобы смѣть это говорить мнѣ?..

— Дызма Стжембошь, придворный его величества,—воскликнулъ юноша, выпрямляясь,—а то, что я сказалъ, готовъ подтвердить чѣмъ угодно.—И онъ ударилъ рукой по саблѣ.

Не оставалось уже ничего, какъ только обнажить сабли, но Дембицкій не очень былъ скоръ на это. Онъ предпочиталъ сражаться языкомъ.

— Очень пріятно мнѣ познакомиться съ вами,—возразилъ онъ презрительнымъ тономъ,—но и я тоже не изъ пальца

высосалъ то, что говорю, потому что основываю все это на признаніяхъ самого мужа. Если бы Радзеевскій не положилъ этому предѣла...

— Подканцлеръ,—воскликнулъ Дызма,—не живетъ хорошо съ своей новобрачной: что же удивительнаго, что онъ на нее выдумываетъ?! Но это злая птица...

Въ эту минуту Дембицкій, не давая ему кончить, съ ужаснымъ раздраженіемъ схватился за саблю, увѣренный, что ему не позволятъ ея обнажить, и подступилъ къ Стжемошу. У этого даже глаза смѣялись и рука дрожала, когда онъ схватился за рукоятку. Но Дембицкій зналъ очень хорошо, что до рѣзни дѣло не дойдетъ. Подскочилъ Ксензкій.

— Бойся Бога! — воскликнулъ онъ, — только еще третій день, какъ здѣсь, а вотъ ужъ и ссора.

— Не я ее началъ,—возразилъ Дызма,—а что я не позволю взводить на его величество какую-нибудь низкую клевету, то этого навѣрное никто мнѣ не поставитъ въ укоръ. Подканцлеръ можетъ себѣ врать на своихъ друзей, но государя пятнать не слѣдуетъ.

Дембицкій все рвался впередъ.

— Здѣсь тѣсно,—сказалъ Стжембошъ,—выйдемъ за палатку, право, я не уступлю пану подчашему.

Подбѣжалъ хозяинъ, умиряя Стжембоша.

— Ахъ, не заливайте кровью этой пріятной для меня минуты,—вскричалъ онъ,—драться не изъ-за чего.

Первый далъ себя умирить Дембицкій, Стжембошъ же, сказавъ себѣ, что это еще успѣетъ, бросилъ только презрительный взглядъ на забіяку и молча отошелъ.

Ксензкій взялъ его подъ руку.

— Пойдемъ отсюда.—сказалъ онъ,—мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты съ нимъ связывался.

— Неужели же мнѣ было оставить безъ вниманія обиду и клевету, взведенную на моего государя! — возразилъ Стжембошъ.

Ону выходили изъ палатки.

— Что ты всталъ въ защиту короля, за это я тебя хвалю, — прибавилъ Ксензкій: — я зналъ, что ты это сдѣлаешь, Это былъ твой долгъ, а если обошлось безъ огня, такъ и успокойся. Это забіяка, негодный къ саблѣ, потому что ты

его ловко изрубилъ бы, но онъ мстительная и злая бестія и вездѣ имѣетъ своихъ людей. Надо обходить его и не трогать навоза.

Дызма вздохнулъ: очень ужъ жаль ему было, что онъ лишился такого удобнаго случая выказать свою храбрость и ловкость; Ксензкій едва могъ утѣшить его тѣмъ, что побѣда надъ неуклюжимъ чурбаномъ не доставила бы ему славы, а вреда принесла бы много.

— Отъ этого онъ не сдѣлается моимъ другомъ, что я отпустилъ его цѣлымъ,—сказалъ Стжембошъ...

— Да ты и не нуждаешься въ его дружбѣ,—прибавилъ дядя,—но, что обо всемъ этомъ онъ предпочтетъ молчать, за это я ручаюсь.

— Ба!—проворчалъ Дызма,—однако если онъ мнѣ подвернется...

Ксензкій повелъ плечами.

— О! горячая кровь!—воскликнулъ онъ.—Сколько бы тебѣ надо ея спустить! Подожди немного! Въмѣсто одного Дембицкаго тебѣ представится еще много случаевъ подраться, только бы ты завелъ побольше знакомствъ.

На этомъ и кончилась исторія съ Дембицкимъ. Въ тотъ же день Дызма встрѣтилъ двухъ прежнихъ пажей короля. Это были братья Лонцкіе изъ нанцырнаго отряда, веселые малые, думающіе только о томъ, какъ бы провести время, какъ можно веселѣе. Они подхватили Стжембоша и не хотѣли его отпускать. У нихъ дома по цѣлымъ днямъ происходило то же, что и у Яскульскаго. Ълъ и пилъ кто только хотѣлъ и приходилъ, играли въ кости и въ карты, къ чему Стжембошъ питалъ отвращеніе. Поэтому, не вмѣшиваясь въ игру, онъ долженъ былъ сидѣть съ ними и веселиться. Первый день прошелъ спокойно, на второй рубились во дворѣ дома, но Стжембошъ только перевязалъ и уложилъ раненаго Лонцкаго. На третій день, за завтракомъ. Дызма самъ не замѣтилъ, какъ повздорилъ со старымъ усачемъ Рокосовскимъ. Очевидно, было, что тотъ искалъ придирки и хотѣлъ щегольнуть своей побѣдой надъ молокососомъ. Не успѣли докончить ѣсть, какъ въ той-же комнатѣ Рокосовскій всталъ, вызывая Дызму, называя его разными оскорбительными именами и махая саблей.

Стжембошъ вскочилъ, какъ ошпаренный, хотя по правдѣ сказать, морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ, такъ какъ противникъ его былъ сильный и притомъ отличный боецъ. Только на счастье Дызмы онъ уже второй разъ завтракалъ, и пиво, смѣшанное съ виномъ и горѣлкой, шумѣло у него въ головѣ. Онъ такъ яростно и вмѣстѣ съ тѣмъ неосторожно бросился на Стжембоша, что тотъ сразу хватилъ его по уху. Полилась кровь, но Рокосовскій ея не чувствовалъ—и крича!—я тебя здѣсь проучу, молокососъ, — припиралъ его въ уголъ, какъ вдругъ Дызма, отбивъ его ударъ, такъ хватилъ его по правой рукѣ, что вышибъ оружіе. Подскачали Ловцкіе, подхватили разсвирѣпѣвшаго старика, но о продолженіи поединка не могло уже быть и рѣчи. Поэтому устроили примиреніе и запили его, а Рокосовскій тѣмъ временемъ, перевязанный и обвязанный, заснулъ на диванѣ.

Такимъ образомъ совершился первый выходъ на сцену жизни королевскаго придворнаго, и совершился какъ нельзя блѣе благополучно, потому что онъ не получилъ ни одной царапины, а между тѣмъ побѣдилъ знаменитаго рубаку Рокосовскаго.

Когда онъ передавалъ все это вечеромъ Ксензкому, дядя смѣялся и обнималъ его, сильно радуясь,

— Ты въ сорочкѣ родился!—вскричалъ онъ.—Теперь пойдеть слава, что ты побилъ Рокосовскаго; теперь тебя ужъ никто не задѣнетъ, а это очень хорошо, потому что постоянно драться—последнее дѣло.

Отъ Хмѣльницкаго и гетмана почти каждый день приходили самыя разнообразныя вѣсти, но всѣ онѣ сходились въ одномъ: что надо было сѣсть на помощь Винницѣ и Каменцу, на который готовились идти казаки.

Поэтому съ каждымъ днемъ въ лагерѣ увеличивалось движеніе и приготовленія и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія королевской четы.

IX.

Послѣ долгаго* ожиданія, въ Люблинѣ прибыли наконецъ возы, прислуги и разные приборы короля, а за ними въ одинъ ясный весенній день и самъ Янъ Казиміръ, хотя и не съ очень пышной и многочисленной свитой, но въ полномъ вооруженіи и съ большой торжественностью. За нимъ королева, въ баретѣ, запряженной шестеркой бѣлыхъ лошадей, затѣмъ ея свита—и все это направилось прямо въ костелъ. Здѣсь уже ожидалъ ихъ папскій нунцій съ многочисленнымъ духовенствомъ.

Въ этотъ день однако кромѣ краткой молитвы ничего не было, церемонія же была назначена только на третій день, причемъ объявили, что, благословляя короля на эту войну, святой отецъ присылаетъ ему освященный мечъ и шишакъ вмѣстѣ съ письмомъ, а королевѣ, по принятому обычаю, золотую розу, какую и мать Яна Казиміра нѣкогда получила изъ Рима.

Въ свитѣ королевы, кромѣ ея французенокъ, находилась почти единственная представительница польскихъ дамъ—подканцлерша Радзеевская; хотя она и бѣжала съ мужемъ, однако это послужило предлогомъ возвести на нее клевету, будто бы она предприняла это путешествіе ради короля.

На другой день, въ который послѣ службы назначено было поднесеніе освященнаго меча и шишака, въ костелъ набилась такая масса народу, что должны были поставить у дверей стражу. Изъ войска почти всѣ старшіе сбѣжались посмотреть на церемонію.

Поднесеніе меча при рѣчахъ и чтеніи папскаго письма, затѣмъ врученіе Маріи Лювикѣ освященной розы, продолжалось очень долго, потому что назначенные для этого ораторы должны были отвѣчать и благодарить отъ имени королевской четы.

Легко освободившись въ этотъ день отъ своей службы, Стжембожъ тотчасъ же побѣжалъ къ своимъ пріятелямъ и знакомымъ, ко двору и въ королевскій отрядъ, гдѣ было много его товарищей, чтобы поразвѣдать, не случилось ли чего по-

веньяго. Тизенгаузь, который остался на своей службѣ при королѣ, рассказалъ все, что произошло послѣ его отъѣзда изъ Варшавы. Онъ въ особенности слѣдилъ за канцлеромъ и зналъ о немъ больше всего. Тизенгаузь зналъ между прочимъ, что подканцлеръ, какъ только прибылъ въ Люблинъ, сейчасъ-же заперся на продолжительное и весьма оживленное совѣщаніе съ подчашимъ Дембицкимъ. Что кажущееся примиреніе Радзеевскаго съ женою, какъ утверждалъ Тизенгаузь, было обманомъ и коварствомъ, а уговариваніе ее къ путешествію имѣло какую-то тайную цѣль, которую онъ не могъ угадать, хотя и подозрѣвалъ ея существованіе. Во все время путешествія въ Люблинъ поведение Радзеевскаго было поразительнымъ, потому что онъ самъ главнымъ образомъ держался Маріи Людвики, при ней постоянно ѣхалъ, ей прислуживалъ, надобная королю только тогда, когда онъ зналъ, что будетъ для него несноснѣе всего. Подканцлерша же, за которой онъ обыкновенно такъ слѣдилъ, никого къ ней не допуская, ѣхала теперь совершенно предоставленная самой себѣ, такъ что и король свободно могъ къ ней приблизиться и тѣ, которые пожелали бы быть посредниками между ними. Подканцлерша однако явно избѣгала всего, чтобы могло навлечь какое-нибудь подозрѣніе на нее и на короля. Да и самъ король не старался къ ней приблизиться и почти избѣгалъ ее, ради королевы-ли это, или ради двора, или наконецъ ради Радзеевскаго, поведение котораго было для него непонятно и подозрительно.

Однажды королева, всѣ дамы, высшіе сановники и дворъ получили приглашеніе на *collexione*, который уетраивалъ папскій нунцій: Весь большой свѣтъ долженъ былъ тамъ находиться, поэтому должна была тамъ быть и Радзеевская. Въ тотъ же день утромъ мужъ объявилъ ей, чтобы она пригласила себѣ въ компаньонки которую-нибудь изъ дамъ, такъ какъ онъ не знаетъ навѣрное, будетъ ли онъ тамъ или нѣтъ, а если и пріѣдетъ, то развѣ попозже.

Поэтому, условившись съ княгиней Сапѣгой, которая должна была за ней заѣхать, прекрасная Елизавета, вся покрытая драгоценностями и, несмотря на блѣдность и утомленіе, блистающая своей красотою, отправилась на *collexione*. Тамъ присутствовала королева со всѣмъ дворомъ, всѣ дамы и жены се-

наторовъ, которыя въ то время находились въ Люблинѣ, много духовныхъ и наконецъ король, въ сопровожденіи многихъ сенаторовъ.

Благопріятныя извѣстія, приходившія изъ провинціи о готовящемся ополченіи, привели Яна Казимира въ такое веселое настроеніе, въ какомъ его рѣдко видали на такихъ собраніяхъ. Поэтому онъ былъ гораздо милѣе съ дамами и болѣе ухаживалъ. Королева, которую занималъ нунцій и которую окружало многочисленное общество, не имѣла возможности слѣдить за каждымъ его шагомъ, что, быть можетъ, также способствовало его свободѣ и непринужденности. Обходя дамъ, король наконецъ приблизился къ подканцлершѣ.

— Сегодня вы, — сказалъ онъ, здороваясь съ нею, — въ полномъ блескѣ... Я очень радуюсь этому, такъ какъ это доказываетъ, что походъ не надобѣлъ вамъ.

Прекрасная Елизавета подняла на него свои глаза.

— Ахъ, какое ошибочное мнѣніе, государь, — сказала она. — Мы, женщины, очень часто бываемъ принуждены весело улыбаться, когда сердце разрывается отъ боли.

Король остановился и осмотрѣлся вокругъ.

Рядомъ съ Радзеевской сидѣла только княгиня Сапѣга, отъ которой она не имѣла тайнъ.

— Я бы очень желалъ узнать кое-что, — наклоняясь, прошепталъ король, — но...

— Ахъ, и я очень хотѣла бы пожаловаться и посовѣтоваться, — это очень для меня важно.

Король далъ знакъ рукой, прошелъ нѣсколько шаговъ, оглянулся, шепнулъ что-то Тизенгаузу, стоящему у дверей, и вернулся къ подканцлершѣ.

— Говорите смѣло, — сказалъ онъ, — другого случая можетъ и не представиться, надо воспользоваться хоть этимъ.

Радзеевская боязливо оглянулась вокругъ, но вскорѣ собралась съ духомъ.

— Жизнь моя, — начала она, — становится невыразимымъ мученіемъ. Я думала сначала, что сумѣю перенести его или смягчить моего преслѣдователя, но мученіе превышаетъ силы, а человѣкъ, который его причиняетъ, не имѣетъ жалости и измѣниться не можетъ. У меня явилось неизмѣнное рѣшеніе

разстаться съ нимъ, иначе мнѣ пришлось бы распротиться съ жизнью. Да проститъ мнѣ Богъ, если я несправедливо его обвиняю, но по его поступкамъ можно думать, что онъ хочетъ отъ меня освободиться, какъ отъ первыхъ двухъ.

— Ради Бога! — прервалъ король, — что же случилось новаго?

— Новаго! — подхватила канцлерша, — нѣтъ ничего; жизнь тянется, какъ и прежде, становясь все невыносимѣе. Каждый день я должна переносить обиды, выговоры, угрозы, презрѣніе, хотя не подаю къ тому ни малѣйшаго повода. Я выплакала всѣ слезы, терпѣніе истощилось, гнѣвъ и негодование берутъ верхъ... Нѣтъ — нѣтъ! Я съ нимъ жить не могу и не буду.

Король быстрымъ жестомъ показалъ ей, чтобы она говорила тише.

— Невыразимо тяжело для меня слышать о вашемъ рѣшеніи какъ разъ въ такую минуту, когда я не могу оказать вамъ помощи. Но заклиная васъ, остановитесь, подумайте! Правда, онъ долженъ будетъ мнѣ сопутствовать, но во всѣхъ отношеніяхъ это дѣло почти неисполнимое. Могутъ быть огромныя потери.

— Потери! — прервала Радзеевская. — Но я ставлю ихъ ни во что! Я спасаю жизнь и честь. Я не могу быть рабой... У меня есть братья...

— Даже при ихъ помощи, это дѣло почти неисполнимо, — промолвилъ Янъ Казиміръ. — Но здѣсь невозможно вести болѣе продолжительнаго разговора объ этомъ. Завтра... у княгини, — и онъ указалъ на Санѣгу.

Подканцлерша съ благодарностью низко ему поклонилась, а король, на затянувшійся разговоръ котораго уже обратили вниманіе, тотчасъ же пошелъ дальше и началъ оживленную бесѣду съ люблинской воеводшей.

По счастью, во время этого эпизода подканцлера еще не было, но жена была увѣрена, что ему обо всемъ будетъ донесено. Радзеевскій появился здѣсь поздно, побесѣдовалъ сначала съ нунціемъ и королемъ, потомъ пошелъ здороваться съ другими знакомыми, и когда наконецъ подошелъ къ женѣ — ехидно шепнулъ ей на ухо, поздравляя съ королевской ми-

лостью. Съ негодованіемъ подернувъ плечами, подканцлерша ничего не отвѣчала.

Въ назначенный часъ подканцлерша уже ожидала у Сапѣги прибытія короля, все еще взволнованная со вчерашняго дня, вся въ слезахъ.

Янъ Казиміръ пріѣхалъ въ довольно веселомъ настроеніи, но очевидно былъ смущенъ своимъ посѣщеніемъ, такъ какъ за каждымъ его шагомъ слѣдили. Едва ступивъ на порогъ, Янъ Казиміръ обратился къ Радзеевской.

— Будемъ говорить о васъ, потому что мнѣ къ несчастію некогда и того и гляди, что меня кто-нибудь здѣсь застанетъ. Что же дѣлается? Вѣдь канцлеръ, кажется, сталъ умнѣе и снисходительнѣе? Самъ уговаривалъ на это путешествіе? Я не вижу причины, почему бы ему быть недовольнымъ. Что его могло такъ раздражить?

— Государь, — съ большимъ жаромъ воскликнула Радзеевская, — кто можетъ сказать, что онъ понялъ пана Радзеевскаго? Онъ ласковъ и улыбается; если ему это нужно, сердится, если желаетъ этимъ донять кого-нибудь или напугать. Все у него рассчитано, все коварно и подло. Человѣкъ этотъ возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе... я не могу съ нимъ жить, я должна освободиться.

— Но какъ это можно сдѣлать? — ласково проговорилъ король. — Поговоримъ...

Княгиня Сапѣга, видя, что она можетъ быть неудобнымъ свидѣтелемъ этой откровенной бесѣды, незамѣтно удалилась въ другую комнату, оставляя ихъ наединѣ. Двери остались открытыми.

Янъ Казиміръ сѣлъ и указалъ на кресло подлѣ себя, которое и заняла Радзеевская.

— Я думалъ объ этомъ со вчерашняго дня, — говорилъ король, беря руку подканцлерши и глядя на нее съ большимъ сочувствіемъ. — Я тоже убѣжденъ, что вы не можете съ нимъ жить, потому что это была бы не жизнь, а вѣчная пытка. Но Радзеевскій не выпуститъ такъ легко изъ своихъ рукъ ни васъ, ни вашего состоянія. Законъ даетъ ему нѣкоторую силу, вы не можете закрыть ему двери. Захотите уйти отъ него, должны будете оставить ему въ добычу все свое богатство, а

это дѣло не малое. Чтобы объявить ему войну, надо быть готовой на все честное и безчестное.

Король говорилъ быстро; съ устремленнымъ на него взоромъ слушала подканцлерша, время отъ времени слезы нависли на глаза.

— Бросить его теперь я не совѣтую—это невозможно,— продолжалъ Янъ Казиміръ,—потерпите еще. Когда, Богъ дастъ, мы вернемся изъ похода домой, нужно будетъ обдумать и приготовить средства, выбрать часъ, чтобы вы имѣли какъ можно меньше неприятностей и потерь. Я, со своей стороны, общаю вамъ самую сильную поддержку. Что же касается до королевы, то я боюсь, что она приметъ сторону подканцлера, потому что онъ очень за ней ухаживаетъ... а я, мнѣ... трудно будетъ похлопотать за васъ передъ королевой, и потому еще... я знаю, что она меня подозрѣваетъ. Но все это дѣла отдаленныя, а пока вы должны употреблять все свое терпѣніе, не обрывать, — вотъ мой совѣтъ.

Подканцлерша, дрожа, выслушивала всѣ эти совѣты, которые король давалъ съ видимымъ сочувствіемъ, и наконецъ разразилась рыданьями.

— Каждый день, каждый часъ съ этимъ человѣкомъ доставляетъ мнѣ невыразимое мученье. Мнѣ кажется, что онъ нарочно старается и обдумываетъ всевозможныя средства, какъ бы только терзать меня. Ваше величество слышали о портретѣ моего покойнаго мужа, который онъ приказалъ вынести на чердакъ, то же самое происходитъ со всѣми другими дорогими для меня вещами. У меня нѣтъ шкатукки, гдѣ бы я могла что-нибудь спрятать; онъ отбиваетъ замки, отнимаетъ бумаги. Я не могу даже посылать писемъ къ братьямъ, потому что они кажутся ему подозрительными.

Радзеевская расплакалась, Янъ Казиміръ сильно тронутый, старался ее утѣшить и ободрить.

— Такое мученье не можетъ долго продолжаться, — сказалъ онъ.— Возвращайтесь въ Варшаву, а я удержу его при себѣ. Онъ по дѣлу службы долженъ быть при мнѣ. Поэтому у васъ будетъ достаточно времени отдохнуть, подумать и даже выписать на помощь братьевъ. Королева, прибавилъ онъ, понижая голосъ, — я не знаю навѣрное, долго ли будетъ мнѣ сопутство-

вать. Она желала бы быть со мной и имѣть достаточно мужества на это, но паны сенаторы противятся этому, такъ что она вернется въ Варшаву и вы должны вернуться или съ ней, или одна.

— До сихъ поръ,—замѣтила Радзеевская,—онъ настаивалъ на томъ, чтобы я ѣхала. Какая у него была цѣль въ этомъ, я не знаю. Трудно его понять. Поэтому, быть можетъ, онъ будетъ противиться моему отъѣзду, если это не согласно съ его планомъ.

— Что же въ такомъ случаѣ?—заботливо спросилъ Янъ Казиміръ.

Подканцлерша гордо подняла свою прекрасную головку.

— У меня еще есть горсть собственныхъ людей, вѣрныхъ мнѣ и послушныхъ,—сказала она,—если я отдамъ приказанія къ отъѣзду—послушаютъ меня, а не его. Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ я устрою свой отъѣздъ такъ, чтобы онъ не зналъ объ немъ или узналъ слишкомъ поздно.

Король недовѣрчиво засмѣялся.

— Не обольщайте себя надеждою,—возразилъ онъ,—чтобы вы могли провести его въ чемъ нибудь. Мнѣ кажется, онъ знаетъ не только каждое ваше слово, но даже каждую вашу мысль. Дѣйствуйте осторожно, а главное, не давайте ему раньше времени догадаться, что вы рѣшили съ нимъ разойтись. Когда наконецъ дойдетъ до этого, вы должны будете отправиться въ монастырь, пока мы не выхлопочемъ изъ Рима развода.

Радзеевская вздохнула.

— Притворяйтесь,—продолжалъ король,—хотя я лучше всего знаю, какъ трудно притворяться, когда чувствуешь отвращеніе и презрѣніе къ человѣку. Въ такомъ же точно положеніи нахожусь и я относительно его. Напрасно я отъ него отворачиваюсь, не слушаю и не отвѣчаю; онъ все говоритъ, заходитъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, когда уже не можетъ самъ, онъ получаетъ порученія ко мнѣ отъ королевы, чтобы терзать меня и ими, и собой.

Въ продолженіе всей этой откровенной бесѣды, Сапѣга была въ другой камнатѣ, гдѣ разговаривала со своей племянницей ни ни она, ни король, ни сильно взволнованная Радзеевская

не замѣтили и не слышали, что подканцлеръ, навѣрное извѣщенный объ этомъ условномъ свиданьи у княгини, тихо подѣхалъ верхомъ, отдалъ лошадь сопровождавшему его гайдуку, почти на цыпочкахъ подкрался къ дверямъ, и потомъ, вдругъ съ шумомъ открывъ ихъ, съ видомъ побѣдителя влетѣлъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ король съ подканцлершей.

Лицо его иронически, злобно смѣялось, онъ щурилъ глазки и медленными, неторопливыми шагами подходилъ къ королю, который то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и разсерженный до нелзя, униженный, принялъ гордую и величественную осанку. Радзеевская, при видѣ мужа, поблѣднѣла какъ трупъ: знала она хорошо, что ее ожидало за такой разговоръ, который даже не имѣлъ свидѣтелей, потому что Сапѣга только черезъ нѣсколько минутъ, услышавъ чужой голосъ, явилась на порогъ со своей племянницей. Подканцлеръ, не обращаясь къ женѣ, подошелъ съ поклономъ къ Яну Казимиру.

— Я вездѣ искалъ ваше королевское величество, — сказалъ онъ, — такъ какъ васъ ждетъ канцлеръ съ важными дѣлами, да и королева тоже спрашивала; хорошо еще, что мнѣ пришла такая счастливая мысль заглянуть сюда.

— Я ѣду прямо со смотра, — съ гримасой возразилъ король, — и десяти минутъ еще нѣтъ, какъ я приѣхалъ сюда навѣстить княгиню Сапѣгу. Вы легко могли узнать обо мнѣ, потому что я вовсе не дѣлаю тайнъ изъ своихъ прогулокъ.

Радзеевскій смѣялся.

— Вашему величеству, — саркастически продолжалъ онъ, бросая взоры на жену, — слѣдовало хоть минутку отдохнуть послѣ столькихъ трудовъ, съ самаго утра на смотру.

Король ничего не отвѣчалъ.

— Да оно и понятно — вѣдь мы не можемъ терять ни одной минуты, — быстро заговорилъ подканцлеръ. — Казаки напираютъ на Калиновскаго, а Хмѣль поспѣшно идетъ на насъ, чтобы предупредить ополченіе и разбить насъ, прежде чѣмъ оно прибудетъ. Воеводства же, извѣстное дѣло, никогда не бываютъ аккуратны, всегда найдутъ бездну отговорокъ. Дай Богъ, чтобы ополченіе пришло подъ Константиновъ къ 5 юню, — прибавилъ Радзеевскій, — а что съ нами будетъ до тѣхъ поръ...

Не отвѣчая Радзеевскому, король всталъ, сильно разнѣван-

ный, обратился къ хозяйкѣ, которая какъ разъ появилась на порогѣ, и простившись съ нею, также свободно, нѣсколькими тихо сказанными словами простился съ подканцлершей, которая не обращая вниманія на злобные взгляды мужа, проводила его до порога.

Подканцлеръ, который, какъ онъ самъ говорилъ, гнался за королемъ и искалъ его для важныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы сопровождать его теперь, что казалось его обязанностью, проводивъ его до коня, вернулся назадъ къ Сапѣгѣ. Лицо его сіяло побѣдой, онъ зналъ хорошо, что теперь могъ надѣяться и княгинѣ, и женѣ, а это было для него самымъ пріятнымъ. Поэтому, онъ прежде всего обратился къ Сапѣгѣ, иронически благодаря ее, что она была такъ любезна устроить его женѣ пріятную встрѣчу съ королемъ.

Сапѣга, не смирнаго характера, вспыльчивая и смѣлая, сама первая набросилась на него.

— Стыдились бы, панъ подканцлеръ, подозрѣвать меня и жену свою,—воскликнула она.—Что же случилось такого ужаснаго, что король засталъ ее у меня? Развѣ это странно, что она питаетъ къ королю уваженіе и благодарность, когда это и вамъ самимъ извѣстно, что если бы не король, она не имѣла бы послѣ перваго мужа ничего, да и вы ничего бы не поймали!

Радзеевскаго сначала смутилъ этотъ смѣлый отвѣтъ, и онъ, быть можетъ, разразился бы, не жалѣя хозяйки, но что то его удержало.

— Что же я сказалъ такого дурнаго? началъ онъ, смѣясь.—Я благодарилъ, ничего больше, потому что знаю, что для моей жены свиданіе и разговоръ съ королемъ пріятнѣе, чѣмъ съ другими, даже со мной. Это давнишняя дружба, а мы, подданные его величества, должны чувствовать себя счастливыми, если женка или дочка котораго-нибудь изъ насъ бросится въ глаза королю. Отъ этого можно ожидать всего хорошаго для дома.

Возмущенная до глубины души, подканцлерша плакала, на что мужъ нисколько не обращалъ вниманія, и казалось, былъ тѣмъ веселѣе. Сапѣга отвернулась отъ Радзеевскаго, взяла подъ руку подканцлершу и, не прощаясь съ нимъ, вышла съ ней въ другую комнату, запирая за собой двери.

Подканцлеръ сейчасъ же надѣлъ на голову шапку и, схватившись за бока, съ шумомъ вышелъ на крыльцо, приказывая подать себѣ коня, который ожидалъ его вмѣстѣ съ прислугой.

Много времени надо было, чтобы привести въ себя взволнованную подканцлершу.

— Нечего тебѣ обращать на него вниманія, — утѣшала ее Сапѣга: пусть себѣ болтаетъ, что хочетъ, совѣсть ни въ чемъ не можетъ тебя упрекнуть, этимъ онъ возстановилъ противъ себя короля, потому что слѣдилъ за нимъ: впрочемъ, ничего особеннаго не случилось.

Подканцлеръ прямо отправился къ королевѣ, но засталъ здѣсь такое многолюдное общество, что не могъ къ ней подступить. Подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ дѣлъ, подканцлеръ остался, пока всѣ не ушли. Ему важно было уведомить королеву о своей удачной охотѣ. Онъ зналъ, что, какъ бы тамъ ни было, это все-таки охладить и оттолкнуть ее отъ короля.

Онъ облекъ свой доносъ въ шутивую форму.

— Я гонялся сегодня за королемъ по полю, — проговорилъ онъ, — онъ производилъ смотръ полкамъ, но опоздалъ, и король поспѣшилъ на другой смотръ.

Онъ разсмѣялся; Марія Людовика съ любопытствомъ обратилась къ нему.

— Онъ поѣхалъ навѣщать своихъ давнишнихъ знакомыхъ продолжалъ Радзеевскій. — По какому-то инстинкту я нашелъ его у Сапѣги.

Онъ на минуту остановился. Королева слушала съ любопытствомъ.

— Тамъ-же находилась и моя жена, — продолжалъ Радзеевскій. — Вчера они были вмѣстѣ у васъ, гдѣ король должно быть уговорился съ моей женой, гдѣ имъ всего безопаснѣе сойтись на откровенную бесѣду, то есть для того, чтобы она могла жаловаться на мое тиранство. Какъ разъ я и поймалъ ихъ обоихъ, наединѣ, такъ какъ Сапѣга очевидно не хотѣла мѣшать пѣжнымъ изліяніямъ...

Подканцлеръ началъ смѣяться, хотя видѣлъ, какъ строго сморщилась королева и закусила губы, однако не пустилась

ни въ разпросы; ни въ дальнѣйшую о томъ бесѣду, а повернула разговоръ въ другую сторону.

Подканцлерша все это время оставалась дома, приготовляясь къ тому, что ожидало ее вечеромъ отъ мужа. Между тѣмъ Радзеевскій, у котораго было много дѣлъ съ Дембицкимъ, вернулся такъ поздно ночью, что жена его уже не видала.

На другое-же утро онъ поздоровался съ нею, ни однимъ словомъ не напоминая о вчерашней встрѣчѣ у Сапѣги, не дѣлая упрековъ и не издѣваясь, чего она никакъ не ожидала. Было-ли это сдѣлано изъ какого-нибудь расчета, подканцлерша не могла понять, но была почти благодарна своему мужу, что онъ оставилъ ее въ покоѣ.

Часть третья.

I.

Почти каждый день приносили извѣстія, которыхъ такъ жаждалъ король, и они все болѣе и болѣе выводили его изъ себя. Онъ хотѣлъ бы уже отправляться подъ Константиновъ, но полки еще медленно собирались, а доходившія отовсюду жалобы убѣждали, что распущенные солдаты забавлялись по дорогѣ грабежомъ, вовсе не торопясь къ мѣсту назначенія.

Иногда отъ казаковъ долетала такая вѣсточка, которая очень больно дѣйствовала на Казиміра—напримѣръ, когда татарскому хану влагали въ уста слова, что онъ больше заботился о дружбѣ одного простого казака изъ подѣ начальства Хмѣля, чѣмъ о мирѣ съ королемъ польскимъ... Привели схваченныхъ казаковъ и татаръ, которые слишкомъ далеко забрались и попали въ руки польскихъ отрядовъ. Всѣ они почти единогласно повторяли, что Хмѣль раздѣлилъ свои силы, что шелъ противъ короля и что орда огромными толпами шла за нимъ.

Между тѣмъ войска собирались медленно, чѣмъ бы того желалъ король, котораго это съ каждымъ днемъ все болѣе раздражало. Пребываніе въ Люблинѣ, въ обществѣ королевы и всѣхъ дамъ, собравшихся вокругъ нея, вовсе ему не нравилось. Онъ не смѣлъ заявить этого, но это проглядывало во всемъ. Королева же, хотя ее и стращали казаками, не имѣла желанья возвращаться въ Варшаву. Она объявила, что, пока будетъ возможно, желаетъ сопровождать мужа и раздѣлять его труды и опасности. Янъ Казиміръ; хотя, быть можетъ, это было ему не по вкусу, долженъ былъ благодарить.

Радзеевскій, который подслушивалъ и нашептывалъ и здѣсь, и

тамъ,—улыбался. Онъ сейчасъ же объявилъ женѣ, что она тоже можетъ безопасно остаться съ нимъ. Это двусмысленное «съ нимъ» означало вмѣстѣ съ тѣмъ и короля. Подканцлерша, убаюканная притворнымъ миромъ, не сопротивлялась.

Торжественны были, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полны тревоги выступленіе изъ Люблина, прощанье, благословенія. Хотя очень многіе отсюда возвращались или оставались здѣсь, другіе, ободренные примѣромъ королевы, въ послѣднюю минуту рѣшились сопровождать.

Радзеевскую мужъ тѣмъ увѣреннѣе бралъ съ собой, что собирались идти повидимому къ Бугу, а вблизи надъ Бугомъ стояло его Крылово, приданое первой жены. Поэтому она могла, какъ говорилъ подканцлеръ, отдохнуть въ Крыловѣ, если бы ей было неудобно въ лагерѣ.

Войско съ королемъ, который не хотѣлъ ѣхать иначе какъ верхомъ, во главѣ своихъ полковъ,—довольно медленно двигалось въ Ухань, къ Красному Ставу. Вечеромъ въ Ухани, Янъ Казиміръ, оставшись наединѣ съ женой, рѣшился наконецъ ей замѣтить, что въ видахъ ея же собственной безопасности, ей непремѣнно слѣдовало возвращаться. Марія Людовика навѣрное не позволила бы склонить себя къ тому угрозамъ, запугиваніемъ,—но король прибавлялъ, что всѣ дѣла были сданы Примасу и она должна была явиться ему на помощь своимъ совѣтомъ и близкимъ знакомствомъ съ дѣломъ. Это было согласно съ ея убѣжденіемъ. Соскучившейся по дѣламъ и дѣятельной жизни королевѣ одинаково улыбалось—заступить короля въ столицѣ, какъ и сопровождать его въ походѣ. Выборъ былъ затруднителенъ.

Именно въ эту минуту колебанія и сомнѣнія явился вѣчно бодрствующій или вѣрнѣе—вѣчно ее подстерегающій Радзеевскій. Все это онъ заранѣе предвидѣлъ и хотѣлъ этимъ воспользоваться. До сихъ поръ путешествіе королевы не мѣшало ему, далѣе же шло уже въ разрѣзъ съ его хитрыми планами. Онъ добивался того, чтобы раздѣлить и рассорить, а затѣмъ занять мѣсто посредника, безъ котораго оба они не могли бы обойтись. Марія Людовика, до сихъ поръ не подозрѣвающая такой хитро-сплетенной интриги, хотя и знала чрезмѣрную хитрость Радзеевскаго, откровенно съ нимъ совѣтовалась.

— Развѣ намъ дѣйствительно грозить какая-нибудь опасность?—спросила она.

Подканцлеръ принялъ серьезный видъ.

— Въ этотъ моментъ, — возразилъ онъ, — опасности еще нѣтъ, но что она можетъ явиться внезапно и неожиданно — сто, увы, правда... Казаки дерзки; ихъ способъ веденія войны состоитъ въ такихъ дерзкихъ нападеніяхъ, которыхъ нельзя предвидѣть, но къ которымъ всегда надо быть готовыми. Конечно государынѣ гораздо спокойнѣе и безопаснѣе было бы въ Варшавѣ, куда васъ призываетъ и управленіе дѣлами Рѣчи Посполитой.

— Мнѣ такъ хотѣлось бы сопровождать мужа, — вздохнула королева.

— И не подлежитъ сомнѣнію, — началъ Радзеевскій, — что присутствіе здѣсь вашего величества было бы очень желательнымъ. Король, предоставленный самому себѣ, можетъ подчиниться различнымъ вліяніямъ, слушаться не всегда полезныхъ совѣтовъ. Горько, больно это сказать, но государь не найдетъ въ себѣ силъ руководить походомъ, а если каждый день кто-нибудь другой будетъ нашептывать ему на ухо, то отсюда возникнуть противорѣчія, которыя все могутъ испортить. Меня король, разумѣется, не захочетъ слушать, а другіе...

Подканцлеръ повелъ плечами и замолчалъ.

— Вотъ видите, — сказала королева, — что для меня труденъ выборъ. Остаться или вернуться? И то, и другое имѣетъ свои неудобства.

— Ваше королевское величество, въ случаѣ, если-бы возвращеніе сдѣлалось необходимымъ, что рано или поздно должно наступить, — замѣтилъ Радзеевскій, — увѣрьте короля, что я самый вѣрный слуга его, что у меня достаточно рѣшимости и твердости, чтобы довести до конца все, что надо будетъ, и съ начальниками, и со шляхтой; но король долженъ какъ-нибудь избавиться отъ этого отвращенія и недовѣрія, какія онъ ко мнѣ питаетъ и которыми, какъ мнѣ кажется, я обязанъ вліянію моей жены. Я уже стараюсь примириться съ ней... мы въ довольно хорошихъ отношеніяхъ... на многое я сталъ смотрѣть сквозь пальцы...

Королева задумчиво ходила взадъ и впередъ.

— Итакъ, вы думаете, что сопровождать дальше короля... — спросила она.

— Было бы невозможно, — докончилъ Радзеевскій. — Съ этой мыслью надо заранѣе свыкнуться, — но я остаюсь. Ваше королевское величество ежедневно будете имѣть самый вѣрный и точный отчетъ обо всемъ, что у насъ будетъ происходить.

— Подожду еще, пока необходимость заставитъ меня покинуть лагерь, — вздохнула она. — Я вижу, что и въ Варшавѣ была бы нужна... а здѣсь... такъ боюсь...

— Я останусь на стражѣ, — быстро заговорилъ подканцлеръ: — буду доносить и предостерегать обо всемъ. Въ нуждѣ сумѣю удержать шагъ, который показался бы мнѣ опаснымъ; король меня не слушаетъ, но я найду средства, чтобы добиться этого... по крайней мѣрѣ отсрочки. Ваше величество будете помогать своими письмами.

Такимъ образомъ, въ тотъ же вечеръ Марія Людовика уже почти окончательно была убѣждена, что должна уѣзжать. Какъ бы нехотя, спросила она подканцлера, что онъ думаетъ сдѣлать съ женой.

— Когда мы подвинемся къ Сокалю, надъ Бугомъ, гдѣ лежитъ мое Крылово, — сказала подканцлеръ, — мнѣ очень легко будетъ отвезти ее туда, оставить, а потомъ оттуда отправить въ Варшаву.

Королева повидимому ничего не имѣла противъ такого устройства, потому что, не любя подканцлерши, она предпочитала не имѣть ее при себѣ.

Радзеевскій, подготовивъ такимъ образомъ королеву, прилѣзъ къ королю, чтобы похвастаться этимъ передъ нимъ, — онъ зналъ, что извѣстіе это будетъ хорошо принято.

Хотя король, какъ обыкновенно, не имѣлъ желанія съ нимъ разговаривать, подканцлеръ привязался.

— Государь, — тайственно прошепталъ онъ, — я старался уговорить королеву, чтобы она возвратилась въ Варшаву. Чѣмъ далѣе мы подвигаемся, тѣмъ болѣе ея присутствіе въ лагерьѣ стѣсняетъ наши движенія. Мнѣ кажется, что государыня сама уже начинаетъ видѣть, что она не должна рисковать собой.

Король что-то пробормоталъ.

— Вы только прямо настаивайте. Дѣло идетъ о ея безо-

пасности, о неудобствахъ пути, которымъ она не должна подвергаться при такомъ состояніи здоровья. Даже докторъ можетъ подтвердить это... Королева колеблется, беспокоясь за васъ, но я думаю, что она позволить убѣдить себя.

Не получивъ отвѣта, Радзеевскій прибавилъ черезъ минуту.

— Я со своей женой долженъ остаться... по крайней мѣрѣ до Сокаля. Оттуда недалеко мое Крылово, гдѣ ей всегда можно будетъ укрыться. Правда, имѣнье старое и запущенное, но я приказалъ его очистить, да къ тому же приближается весна... ничего кромѣ крыши да стѣнъ и не надо...

Король слушалъ, не показывая ни малѣйшаго вида, чтобы это могло сильно занимать его, но въ душѣ немножко удивлялся тому, что подканцлеръ желалъ удержать свою жену, отсылая королеву. Это было для него непонятнымъ.

Среди этихъ размышленій и навязчивыхъ совѣтовъ подканцлера, которыми онъ закидывалъ короля, доложили, что прибыли отправленные съ отрядомъ на рекогносцировку Іоахимъ Лонцкій и Куровскій, которымъ посчастливилось, сразившись подъ Кончицами съ ордой, захватить татарскаго мурзу Нечая.

Первымъ началъ на этого великана, — такъ какъ мурза былъ огромнаго роста, что очень рѣдко бываетъ у татаръ, — Лонцкій, удачно вышибъ изъ рукъ его саблю и хотѣлъ стащить съ коня, но болѣе сильный мурза схватилъ его и они вмѣстѣ упали въ грязь. Кто знаетъ, чѣмъ окончилась-бы эта борьба, если-бы не подскочилъ Куровскій, который, спасая Лонцкаго, два раза хватилъ мурзу обухомъ въ лобъ, такъ что, наконецъ, татаринъ потерялъ память, а наши связали его и взяли въ плѣнъ. Затѣмъ они начали спорить изъ-за панциря, очень причудливаго и дорогого, который мурза имѣлъ на себѣ и вмѣстѣ съ плѣнникомъ пришли къ королю на судъ.

Такъ какъ было уже темно, когда они пришли, а Янъ Казиміръ хотѣлъ видѣть этого великана, котораго ему описывали, какъ какого-то дикаго звѣря, то передъ дворомъ зажгли факелы и множество народу сбѣжалось посмотреть на мурзу.

Когда его тащили, онъ сопротивлялся, валялся по землѣ, несмотря на то, что голова его была разбита и страшно изрублена и кровь только что начала подсыхать на ней. Ко-

роль сейчасъ-же вышелъ, вокругъ него собралась большая толпа, и Лонцкій съ Куровскимъ начали рассказывать, какъ они его осилили, Причемъ они изложили и свое дѣло объ этомъ позолоченномъ, драгоцѣнномъ панцырѣ, который также принесли съ собой.

Прежде чѣмъ Янъ Казиміръ постановилъ свой приговоръ, кто-то изъ толпы закричалъ:

— Что вамъ тутъ спорить изъ-за этой добычи? Развѣ не слѣдовало-бы его, какъ первую добычу, повергнуть къ ногамъ короля?

Очевидно, что Лонцкій и Куровскій ничего не имѣли противъ этого, но король воспротивился.

— Да что вы, что вы! я его не хочу и не приму. Присуждаю его Куровскому, такъ какъ безъ его помощи Лонцкій не только бы не имѣлъ этого панцыря, но эта черная бестія раздавила бы его. Вознаградить же Лонцкаго за его мужество—это ужъ мое дѣло, и я о немъ не забуду.

Лонцкій преклонилъ колѣни передъ королемъ, а Куровскій сейчасъ же схватилъ панцырь, который всѣ съ любопытствомъ осматривали, а случайно находившійся тамъ Отвиновскій замѣтилъ при свѣтѣ факела, что на концахъ его были арабскія надписи, которыя онъ собирался потомъ прочесть.

Мурза этотъ, котораго всѣ осматривали съ любопытствомъ, какъ медвѣдя, захваченнаго врасплохъ въ берлогѣ, былъ дѣйствительно необыкновеннаго роста, да навѣрное и силой обладалъ громадной. Кожа его была почти черная, какъ у негра, и дѣлала еще болѣе страшными блескъ его глазъ и зубовъ, которыми онъ время отъ времени скрежеталъ.

Королевѣ также дали знать объ этомъ чудовищѣ, на которое всѣ сбѣжались смотрѣть. Если прибавить къ этому ночь, факелы, то вся эта многочисленная толпа, со связаннымъ мурзой посрединѣ, представляла картину, подобную которой трудно было увидѣть. Королева появилась на крыльцѣ рядомъ съ мужемъ.

Король долженъ былъ радоваться трофею Лонцкаго, потому что мурза напугалъ всѣхъ лагерныхъ дамъ, а, быть можетъ, и самой королевѣ далъ понять, что эта война не то, что во Франціи, гдѣ женщины смѣло шли съ войсками, что съ такими дикарями, полуживѣями, женщинамъ было очень опасно.

Все это было на-руку Радзеевскому, да и король былъ

радъ. Однако, королева не хотѣла повернуть изъ Уханя и ѣхала съ мужемъ дальше до Краснаго Става. Здѣсь до Яна Базиміра дошли такія вѣсти, которыя позволяли ожидать скорой встрѣчи съ казаками и ордой. Это произвело нѣкоторый переполохъ, такъ какъ еще не всѣ силы были стянуты. Поэтому и королева объявила сама, что готова вернуться отсюда въ столицу, чтобы не стѣснять короля во всѣхъ его передвиженіяхъ.

Послѣ маленькаго отдыха въ Красномъ Ставѣ, на другой же день король долженъ былъ отправляться дальше въ Сокаль, а королева возвратиться въ Варшаву. Утро было майское, довольно ясное, хотя не очень теплое. Быть можетъ, совершенно невольно это разставанье вышло очень торжественнымъ. Вся свита Маріи Людвики, пани и панны, заранѣе уже плачущія, огорченные, выступили. Мало было такихъ, которыя не имѣли бы дорогаго ихъ сердцу, или брата, или мужа, или родственника, идущаго на бой, который обѣщалъ быть такимъ кровавымъ. Передъ замкомъ и въ сѣняхъ парами стояли сердца, для которыхъ тяжела была разлука. Мужчины старались казаться веселыми, но женщины не выказывали мужества, кромѣ королевы, которая сохранила его до конца.

Для короля на этотъ день былъ приготовленъ его лучшій и самый любимый конь, съ параднымъ сѣдломъ и попоной. И у всѣхъ другихъ были самыя лучшія лошади и самыя дорогія сбруи, какъ бы на показъ. Знамена и значки развѣвались въ воздухъ и шумѣли какъ лѣсъ надъ головами войска...

Стоящая впереди королевская гусарская колонна, возлѣ которой долженъ былъ ѣхать Янъ Базиміръ, затмила всѣхъ: такимъ богатствомъ и роскошью сіялъ ихъ нарядъ, такимъ здоровьемъ, красотою и свѣжестью дышали эти рыцари, что даже жаль было подумать, что этотъ цвѣтъ рыцарства долженъ былъ драться съ пьяной чернью и изъ-за нихъ рисковать своей жизнью. Но глядя на нихъ, никто не могъ ни на минуту усумниться, что куда со всей силой устремится такой отрядъ, тамъ тысячи должны будутъ разсѣяться передъ нимъ.

Затѣмъ вышли ксендзы съ благословеніемъ, святыми дарами, со святой водой, вышелъ король въ полномъ вооруженіи, отдавъ пажу нести только одинъ шишакъ, и королева

въ дорожномъ костюмѣ... Прощанье было короткое, но сердечное. Король сейчасъ же кивнулъ головой, чтобы ему подали шишакъ, и сѣлъ на коня, но въ свитѣ Маріи Людвики раздался такой плачь и рыданья, что не одному не кстати размягчило сердце.

Сейчасъ же начали кричать:

— На коней! на коней! — а король, ставъ передъ колонной, далъ знакъ къ походу, поклонился еще разъ женѣ, которая махала бѣлымъ платкомъ и при звукѣ музыки выступилъ въ походъ.

Пока все это происходило, подканцлерша также присутствовала въ замкѣ для прощанья съ королевой, которая приняла ее очень холодно. Радзеевскій же провожалъ Марію Лювику еще за городъ, верхомъ.

Конечно, многіе съ грустью разставались съ женщинами, но для многихъ старшинъ вмѣстѣ съ ними гора сваливалась съ плечъ, такъ какъ дворъ королевы былъ немалымъ бременемъ. Самъ Янъ Казиміръ чувствовалъ это лучше всѣхъ. Войско подвигалось далѣе очень медленно, и судьба такъ желала, чтобы этотъ первый день не обошелся безъ трагическаго случая.

Войско какъ разъ проходило по лѣсу, когда быстрый взоръ короля замѣтилъ издали сидящаго при дорогѣ какого-то какъ бы нищаго, человѣка очень странно одѣтаго, ободраннаго, въ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, сильно поношенномъ.

Съ королемъ кромѣ другихъ ѣхалъ случайно имъ вызванный Стжембошъ, котораго Янъ Казиміръ хотѣлъ разспросить.

Король указалъ на него.

— Я голову даю, — сказалъ онъ, — что это шпионъ... онъ смотритъ такъ изподлобья... Это подозрительная фигура.

Стжембошъ предложилъ подѣхать къ нему, такъ какъ король остановился, а тутъ же прибѣжалъ и Ясеульскій и нѣсколько другихъ, которые слышали слова короля. Они подскочили къ нищему, который, увидѣвъ ихъ, хотѣлъ было бѣжать, но потомъ раздумалъ, такъ какъ бѣжать не было возможности. Стжембошъ первый подбѣжалъ къ нему, крича:

— Стой! кто ты такой?

Военные окружили его.

— Я солдатъ,—пробормоталъ онъ,—просто—солдатъ изъ нѣмецкаго полка, который стоитъ здѣсь по близости.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— Вышелъ на солнышко, потому что меня трясетъ лихорадка.

Яскульскій, пристально посмотрѣвъ на него, и замѣтивъ, что онъ смутился, хватилъ его плетью по плечамъ и закричалъ:

— Врешь...

Въ это время король далъ знакъ, чтобы его привели къ нему. Его поставили передъ королемъ. Снова начались разспросы. Онъ уже не смѣлъ врать, что изъ нѣмецкаго полка, но бормоталъ, что нищій, убогій, что онъ пріютился здѣсь по сосѣдству, что онъ человѣкъ невинный. И какъ стоялъ, такъ и палъ на колѣни передъ королемъ, сложилъ руки и моля о милосердіи.

Это поразило всѣхъ, такъ какъ если-бы онъ дѣйствительно былъ нищій, ничего за собой не чувствовалъ, то не испытывалъ бы такого страха. Притомъ-же ужасно подлое лицо его невольно возбуждало подозрѣніе.

Стуча рукой по сѣдлу, король закричалъ Яскульскому:

— Это шпіонъ... я это чувствую... прикажи допросить его... увидите...

Едва король сказалъ это, какъ его уже подхватили подъ руки и потащили въ лѣсъ; незнакомый кричалъ благимъ матомъ.

— Чего вы отъ меня хотите? Я невинный человѣкъ.

Король, стоя на конѣ, ожидалъ, какъ вдругъ раздались крики и черезъ нѣсколько минутъ его привели обратно къ королю. Яскульскій ѣхалъ впереди и кричалъ:

— Онъ признался, что шпіонъ, что посланъ Хмѣлемъ.

— Давай его сюда,—сказалъ король.

Его притащили, такъ какъ идти онъ уже не могъ или не хотѣлъ; онъ такъ былъ разбитъ, что еле живъ былъ. Онъ говорилъ довольно неясно и путался.

Оказалось прежде всего, что онъ бѣглый солдатъ, но убѣждалъ еще при Владиславѣ IV, и съ тѣхъ поръ все скитался, а чего доброго и разбойничалъ.

— Кто тебя послалъ?—спросилъ король.

— Базаккій гетманъ послалъ меня,—началь онъ:—и обѣщаль мнѣ награду, чтобы я собственными глазами увидѣлъ короля и донесъ ему, находится-ли онъ самъ при войскѣ.

— Ага! вотъ видите!—съ триумфомъ воскликнулъ король.

Король началъ разспрашивать о казакахъ: гдѣ онъ ихъ оставилъ, сколько ихъ было, шла-ли съ ними орда и большая-ли; но немного могли отъ него добиться, такъ какъ онъ до того былъ запуганъ, что языкъ у него заплетался. Онъ зналъ, что его ожидало, такъ какъ палачъ уже ждалъ и веревки были готовы, чтобы повѣсить его на ближайшей соснѣ...

Король и слушать не хотѣлъ никакихъ просьбъ.

— Время военное,—сказалъ онъ:—выпустить шпиона—значить сплести кнутъ на самого себя, а тащить его съ собой связаннаго—это лишнее бремя.

Король только разрѣшилъ послать къ нему капеллана, который исповѣдалъ-бы его. Войско между тѣмъ двинулось дальше и недалеко еще успѣлъ отойти королевскій полкъ, какъ онъ уже болтался на деревѣ.

П.

Король со своими 6,000 подвигался далѣе къ Сокалю, куда одновременно съ нимъ долженъ былъ прибыть старый гетманъ Потодкій во главѣ 7,000. Туда же должны были собраться и другіе полки сенаторовъ, пожертвованные королю для этого похода. До сихъ поръ все шло благополучно. Король былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Однако замѣчали, что даже когда онъ бывалъ самымъ веселымъ и самымъ разговорчивымъ, увидѣвъ приближающагося канцлера, онъ хмурился, отворачивался и избѣгалъ встрѣчи съ нимъ.

Это было такъ поразительно, что не только другіе, но самъ Радзеевскій долженъ былъ замѣтить это, хотя не показывалъ видъ, что понимаетъ. Онъ вымещалъ все это на женѣ, передъ которой каждый день выдумывалъ на короля всякія были и небылицы. Кромѣ того, ежедневно отправляя письма

въ Варшаву, онъ все больше и больше нападалъ въ нихъ на короля, желая разсердить Марію Людвику и охладить ее къ супругу. Въ первомъ же письмѣ онъ сообщилъ ей, будто бы по всему войску ходившія и всеѣмъ извѣстныя слова короля послѣ прощанья въ Красномъ Ставѣ: что только теперь, избавившись, слава Богу, отъ жены, онъ будетъ свободенъ и т. п. Кромѣ того Радзеевскій доносилъ, что все, что она совѣтовала, было заброшено и осмѣяно, что Янъ Казиміръ не щадилъ ее въ своихъ разговорахъ, жаловался на ея докучливые совѣты и желанье мѣшаться въ дѣла, которыхъ она не понимала. Всѣ эти письма подканцлеръ ежедневно отдавалъ въ королевскую канцелярію, а оттуда уже они отправлялись въ Варшаву, такъ какъ и король каждый день диктовалъ донесенія королевѣ, а иногда и собственноручно пописывалъ.

Въ походѣ король съ каждымъ днемъ все больше и больше отдалялся отъ него, и отношенія ихъ, которыя никогда не были дружескими, значительно ухудшились.

Торжественно совершилось подъ Сокалемъ соединеніе двухъ войскъ — подъ начальствомъ короля и стараго гетмана Потоцкаго.

Король, съ великою радостью на лицѣ, рядомъ съ Потоцкимъ, тотчасъ же поѣхалъ по войску, останавливаясь передъ каждымъ полкомъ, хвали и ободряя начальниковъ.

Правда, что всѣ эти силы, хотя и не были многочисленны, но отличались подборомъ, красотою, порядкомъ и складывались главнымъ образомъ изъ старыхъ, опытныхъ солдатъ, для которыхъ битва была насущнымъ хлѣбомъ и желаннымъ трудомъ. Когда все это расположилось и заняло предназначенныя для нихъ мѣста, — куда только достигало зрѣніе, вездѣ видны были палатки, знамена, возы, шалаши. Все это расположилось подъ мѣстечкомъ, въ которомъ было приготовлено мѣсто королю, въ монастырѣ. Подканцлеръ старался помѣститься поближе къ нему, вмѣстѣ со своей женою.

Будучи въ такихъ же холодныхъ и непріязненныхъ отношеніяхъ къ королю, Радзеевскій писалъ все болѣе рѣзкія письма къ королевѣ, стараясь въ нихъ выставить короля совершенно неспособнымъ, поколебать вѣру въ его къ ней привязанность и разстроить супружество. Послѣдствія были такъ очевидны,

что король сейчасъ же почувствовалъ въ письмахъ жены вліяніе какихъ-то непріязненныхъ донесеній. Но каждый день было столько дѣла, что Яну Казимиру все приходилось откладывать объясненія.

Письма Радзеевскаго наконецъ должно было подѣйствовать такъ сильно въ Варшавѣ, что приходившія оттуда эстафеты совершенно перестали привозить письма Маріи Людвики. Сначала однако король, имѣя въ головѣ столько дѣла, и не замѣтилъ ихъ отсутствія.

Почти каждый день приводили захваченныхъ плѣнныхъ и выслушивали ихъ донесенія о передвиженіяхъ Хмѣля, о которомъ наконецъ пришло извѣстіе, что, пройдя Зборовъ, онъ идетъ на Сокаль. Посланный отъ молдавскаго господаря предупредилъ короля, чтобы были насторожѣ и со стороны татаръ. Бѣглецы отъ Хмѣля насчитывали его силы въ 40.000, да столько хлопотъ, загнанныхъ насильно, за которыми вѣскольکو полковъ смотрѣли, чтобы они не разбѣгались. Наконецъ стали приводить столько плѣнныхъ казаковъ, что уже нельзя было сомнѣваться, что скоро придется встрѣтиться съ Хмѣлемъ. Король отдалъ приказаніе, чтобы всѣ были готовы къ выступленію.

Но еще прежде чѣмъ выступили изъ Сокаля, произошли обстоятельства, которыя измѣнили положеніе подканцлера и навсегда оттолкнули отъ него короля.

Послѣ вѣсколькихъ дней такого непонятнаго молчанія королевы, Янъ Казиміръ сначала сталъ беспокоиться о ея здоровьи, но когда изъ другихъ, постороннихъ корреспонденцій узналъ, что она вовсе не была больна, напалъ на мысль, что что-нибудь должно было оттолкнуть отъ него королеву.

Въ это время вернулся изъ Варшавы посланный туда съ письмами Тизенгаузъ, и король сталъ разспрашивать его съ глаза на глаза.

— Что же тамъ дѣлается, что я не имѣю ни одного письма отъ королевы? Ты не слыхалъ, не знаешь?

— Боюсь повторять, — отвѣчалъ Тизенгаузъ, — потому что можетъ быть, это одни слухи.

— Да говори-же! — торопилъ король, — говори смѣло, ни одинъ волосъ не падетъ съ твоей головы.

— Все это — дѣло подканцлера, — началъ Тизенгаузъ. — Онъ

каждый день посылаетъ туда донесенія о томъ, что здѣсь происходитъ, и умышленно отталкиваетъ отъ васъ государыню. По крайней мѣрѣ французы много говорятъ между собой объ этихъ письмахъ.

Янъ Казиміръ замолчалъ. Позвали одного изъ писарей канцеляріи. Тотъ сознался, что Радзеевскій аккуратно каждый день отираивлялъ толстыя письма, адресованныя или прямо къ королевѣ или къ ея секретарю. Ожидаемое письмо отъ королевы не дошло, а вмѣсто того въ тотъ же день отъ секретаря королевы пришелъ большой пакетъ къ Радзеевскому. На другой день утромъ король приказалъ показать ему письма Радзеевскаго въ Варшаву. Въ этотъ день было только одно и то подъ адресомъ королевы.

Гнѣвный, да и вообще не очень заботящійся въ военное время о сохраненіи тайны печати, король отнесъ его въ спальню и вскрылъ... Читая, онъ просто остолбенѣлъ отъ удивленія и возмущенія. Радзеевскій постепенно дошелъ до того, что просто насмѣхался надъ королемъ, представлялъ его Маріи Людовикѣ, какъ совершенно неспособнаго, предсказывалъ пораженіе, критиковалъ планы—однимъ словомъ, унижалъ Яна Казиміра и вдобавокъ представлялъ въ самомъ худшемъ свѣтѣ его чувства къ королевѣ, упрекая его въ вѣтренности, жалуясь, что онъ и теперь не даетъ покоя его женѣ своими ухаживаньями.

Письма этого было вполне достаточно, чтобы объяснить себѣ молчаніе и гнѣвъ Маріи Людвики. Прочитавъ его разъ и другой, король воскликнулъ:

— А! подлая змѣя!

Затѣмъ онъ сталъ въ раздумьи ходить по комнатѣ, приказалъ позвать къ себѣ канцлера. Когда пришелъ ксендзь Лещинскій, король просто не могъ даже жаловаться, наконецъ, досталъ письмо, шепнулъ что то на ухо канцлеру и прибавилъ: „читай“.

На лицѣ епископа замѣтенъ былъ ужасъ, какой объялъ его при видѣ этого письма, почеркъ котораго былъ ему знакомъ; онъ не могъ докончить и взглянулъ на короля, который стоялъ, сложивъ руки на груди.

— Теперь вы знаете, почему королева перестала писать

ко мнѣ,—сказалъ король,—и я принужденъ держать этого человека здѣсь... при себѣ!

Епископъ долго думалъ, держалъ письмо въ рукѣ и, не зная, что посовѣтовать, читалъ его, перечитывалъ, желая найти что-нибудь въ его защиту.

— Я не могу этого потерять, — проговорилъ король. — Я чувствовалъ въ немъ врага, но не ожидалъ отъ него такой низкой измѣны. Теперь, когда уже все открыто, пусть знаетъ и пусть не надоѣдаетъ мнѣ... Онъ подозрѣваетъ меня въ ухаживаньи за его женой, но это низкая клевета. Судьба этой бѣдной женщины интересуетъ меня, потому что я былъ и теперь еще состою ея опекуномъ. Очевидно, это месть за тѣ воображаемыя любовныя интрижки, о которыхъ я вовсе не думаю...

Епископъ, съ письмомъ подканцлера въ рукахъ, вернулся прежде всего въ канцелярію и оттуда прямо въ монастырь, гдѣ онъ стоялъ, будучи вполне увѣренъ, что Радзеевскій, по обыкновенію, сейчасъ же навѣститъ его, такъ какъ онъ радъ былъ вездѣ сунуть свой носъ, подъ предлогомъ выручить Лецинскаго. И дѣйствительно, не прошло и часу, какъ онъ явился въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа, веселый и даже слишкомъ фамиліарный по отношенію къ старику и духовному.

— Ну, отецъ, что же тамъ сегодня новаго? Въ какомъ настроеніи всталъ король?

Епископъ немного подумалъ.

— Король,—сказалъ онъ,—очень встревоженъ: вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ не получаетъ ни одного письма, ни одного слова отъ королевы. Онъ догадывается, что кто-нибудь отталкиваетъ ее отъ него какими-то ложными донесеніями. — Онъ взглянулъ въ глаза Радзеевскому, который съ величайшимъ безстыдствомъ воскликнулъ:

— Вотъ тоже! Королева быть можетъ нашла въ письмахъ короля что-нибудь, что подало поводъ къ неудовольствію.

— Я прочитываю эти письма,—возразилъ епископъ.—Никогда въ нихъ не было ничего, что-бы не доказывало его привязанности и уваженія.

Радзеевскій улыбнулся.

— Столько людей посылаютъ отсюда,—сказалъ онъ,—кто-нибудь, быть можетъ, и сболтнулъ что-нибудь. Королева рев-

нуеть его къ моей женѣ и, быть можетъ, не безъ причины, такъ какъ король давно ужъ дѣлаеть ей сладкіе глазки.

Лещинскій поморщился.

— Какъ ты можешь говорить что-нибудь подобное?— строго проговорилъ онъ, и затѣмъ прибавилъ:

— Изъ Варшавы доносятъ королю, что это твои письма къ королевѣ всему причиной. Король до сихъ поръ былъ такъ милостивъ къ вамъ: это нехорошо...

— Я никакихъ писемъ не пишу!— дерзко вскричалъ Радзеевскій.

— Никакихъ писемъ?— повторилъ Лещинскій и прошелся по комнатѣ.— Очень мнѣ тяжело это, но порученіе короля я долженъ исполнить. Посмотрите-же, что это—и прочитайте! По тону и по содержанію легко заключить, что это уже не первое письмо, и что прежнія были не лучше.

При видѣ этого письма, которое епископъ досталъ и, развернувъ, показалъ Радзеевскому, лицо его перемѣнилось: онъ поблѣднѣлъ и замолчалъ. Устремивъ глаза на бумагу, онъ стоялъ, не говоря ни слова, но это минутное униженіе униченнаго во лжи и предательства быстро перешло въ сдержанный гнѣвъ, злобу и жажду мести.

— Что-же вы на это скажете, панъ подканцлеръ?— спросилъ Лещинскій.

— Я? Ничего,— отвѣчалъ Радзеевскій. — Я не вижу въ этомъ никакой вины, пишу, что думаю и какъ думаю, королевѣ питаетъ ко мнѣ довѣріе, а король... Онъ махнулъ рукой.

Радзеевскій, хотя и старался казаться хладнокровнымъ, былъ сильно смущенъ; сѣлъ и глубоко задумался.

— У меня есть враги, — пробормоталъ онъ, — это ихъ штуки.

— На этотъ разъ,— сказалъ Лещинскій,—самый злѣйшій врагъ себѣ вы сами. Оправдаться невозможно... Старайтесь, чтобы король забылъ, что вы передъ нимъ провинились.

Не отвѣчая ни слова, Радзеевскій всталъ.

— Я усердно исполняю свои обязанности,— сказалъ онъ,— а что я подвергаю цензурѣ дѣла и поступки монарха—это не преступленіе. Онъ не хочетъ меня слушать, я долженъ куда-нибудь жаловаться.

Лещинскій остановилъ его движеніемъ руки, какъ-бы желая тѣмъ показать, что всякое оправданіе напрасно. Подумавъ немного, подканцлеръ поклонился и, распростившись, уѣхалъ. Однако, въ этотъ день онъ не отправился къ королю, но перемѣнивъ лошадь, поѣхалъ по лагерю осматривать свою конницу. Здѣсь онъ подобралъ компанію, болѣе подходившую къ его настроенію, и просидѣлъ до вечера.

Между тѣмъ Тизенгаузъ, улучивъ моментъ, когда подканцлера не было дома, добрался до свиты хозяйки и, вручивъ экономкѣ бумагу, шепнулъ только, чтобы подканцлерша тотчасъ же по прочтеніи возвратила. Это было — *corpus delicti*, письмо Радзеевскаго къ королевѣ, гдѣ прекрасная Елизавета могла и о себѣ найти кое-что... не очень лестное.

Что тамъ дѣлалось во время чтенія, какой гнѣвъ и бѣшенство объяло подканцлершу, которая со стономъ и плачемъ бросилась на кровать — этого невозможно описать. Ее привели наконецъ въ себя, а Тизенгаузъ сейчасъ же отнесъ письмо обратно королю.

Вернувшись домой, Радзеевскій узналъ о болѣзни жены, но не обращая на нее вниманія, вошелъ въ спальню. Видя, съ какимъ она приняла его, заставилъ его догадаться, что открытая корреспонденція и здѣсь уже не была тайной. Радзеевскій завелъ было разговоръ о поѣздкѣ въ Крылово, но подканцлерша напрямикъ заявила ему, что она возвращается въ Варшаву.

— Королю вы сдѣлаете этимъ еще большую непріятность, чѣмъ мнѣ, мужу, — иронически сказалъ онъ.

— Мнѣ кажется, — воскликнула подканцлерша, — ты ужъ столько разъ донималъ меня королевѣ, что долженъ бы придумать что-нибудь новое, чтобы надоѣдать мнѣ.

Радзеевскій рѣзко измѣнилъ тонъ.

— Я не желаю, чтобы вы ѣхали въ Варшаву, — сказалъ онъ. — Въ Крыловѣ будетъ безопасно; можешь тамъ остановиться.

Подканцлерша не захотѣла отвѣчать; позвала слугу, чтобы ей подали воды и гордо удалила мужа, простившись съ нимъ, а такъ какъ онъ не хотѣлъ поднимать ссоры при людяхъ — онъ вышелъ разсерженный.

На другой день, послѣ пирушки съ военными въ городѣ, которая затянулась до поздней ночи, Радзеевскій всталъ поздно и когда спросилъ о женѣ, ему отвѣтили, что она уѣхала нѣсколько часовъ тому назадъ неизвѣстно куда. Письма никакого она не оставила.

Этотъ неожиданный самовольный отъѣздъ Радзеевскій, боясь лишннихъ толковъ, прикрылъ равнодушнымъ на видъ молчаніемъ, хотя и предвидѣлъ въ немъ доказательства полного разрыва. Нѣкоторое время онъ еще обольщалъ себя надеждой, что подканцлерша могла отправиться въ Крылово, но полученныя оттуда письма ничего о ней не говорили. Итакъ, не было сомнѣнія, что она поѣхала въ Варшаву.

Этотъ внезапный отъѣздъ и случай, оттолкнувшій отъ него короля, сдѣлали положеніе подканцлера очень труднымъ. Онъ былъ черезчуръ гордъ для того, чтобы стараться выпросить себѣ прощенье; ему казалось, что званіе подканцлера и его связи дозволяли ему встать грудью противъ слабаго государя.

Поэтому, послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшилъ не уходить съ поля битвы и бороться.

Цѣлый планъ былъ уже у него въ головѣ. Войско, состоящее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, заключало въ себѣ много забіякъ; взбунтовать ихъ въ удобный моментъ, затруднить Яну Казимиру каждый шагъ, сдѣлаться необходимымъ въ качествѣ посредника... все это было очень просто и легко. А пока канцлеръ рѣшилъ не обращать вниманія на проявленія неудовольствія и отвращеніе и удерживать за собой мѣсто наперекоръ королю.

На другой же день онъ явился въ покои короля; король даже не взглянулъ на него; попробовалъ заговорить: онъ не отвѣчалъ. Однако это не заставило его сократить время своего пребыванія у короля; онъ сопутствовалъ ему, когда привели плѣнныхъ, вмѣшивался всюду и все заговаривалъ съ нимъ.

Лещинскій не могъ надивиться на его дерзость.

Послѣ отъѣзда подканцлерши и продолжительнаго молчанія королевы, когда понадобилось послать въ Варшаву вѣрнаго человѣка, кто-то указалъ на Стжембоша. Его позвали къ королю. Янъ Казиміръ ласково положилъ ему руку на плечо и шепнулъ.

— А что, если бы ты съѣздили для меня въ Варшаву?

— Государь, — возразилъ Дызмъ, — я служу въ полку и кромѣ того нахожусь подъ властью дяди моего Ксензкого, отъ котораго мнѣ ужъ и такъ достается, что во мнѣ мало рыцарскаго духа.

— Гдѣ стоитъ вашъ полкъ въ лагерѣ? — спросилъ король.

Дызма какъ можно обстоятельнѣе указалъ мѣсто стоянки. На другой же день король поѣхалъ туда дѣлать смотръ. Ксензкій стоялъ впереди, и Янъ Казиміръ подозвалъ его.

— Ксензкій — проговорилъ онъ — какъ вамъ кажется, можно ли честно служить Рѣчи Посполитой иначе, какъ въ латахъ и шишакѣ?

— Государь — воскликнулъ Ксензкій — напротивъ того, я думаю, что можно даже и въ сермягѣ.

— Ну, а въ придворномъ платьѣ? — пробормоталъ король, оглядываясь вокругъ и ища глазами Стжембоша.

— Кто для чего родился, государь, — сказалъ Ксензкій. — Ваше королевское величество простите меня, но я предпочитаю рыцаря пажу.

— Но вѣдь изъ придворныхъ вырастаютъ канцлеры — прибавилъ король.

— Только на сто пропавшихъ едва одинъ удастся! — закончилъ Ксензкій.

Король подаль знакъ, чтобы онъ приблизился къ нему.

— Одолжите-ка мнѣ своего племянника, — шепнулъ онъ — мнѣ нужно довѣреннаго посла...

Ксензкій поклонился.

— Король приказываетъ, — сказалъ онъ, — и мы охотно слушаемъ. Я боюсь только, государь, какъ бы, поѣхавъ туда, онъ тамъ не застрѣлъ, потому что соблазновъ тамъ много, а онъ молодой.

— И я даже знаю одинъ соблазнъ, — красивая дѣвушка, — весело прибавилъ король. — Но хоть бы онъ и застрѣлъ тамъ, такъ опасности нѣтъ, потому что приданое за ней будетъ порядочное, да и я явлюсь къ нимъ на помощь.

Такимъ образомъ, едва только отвѣдавши службы, Дызма долженъ былъ сѣсть на коня и въ качествѣ королевскаго посла отправляться вмѣстѣ съ другими въ Варшаву.

III.

Вся пруслуга и дворня Радзеевскаго издавна привыкла къ роскошному приему гостей. Отецъ его одарялъ въ Радзеевичахъ Сигизмунда IV, самъ подканцлеръ поражалъ посольство m-me де-Гебриантъ роскошью и расточительностью; наконецъ въ Бѣльскѣ, какъ Ломжинскій староста, онъ съ большой роскошью принималъ Яна Казимира, стараясь снискать его расположеніе и осыпалъ подарками и его, и весь дворъ. Радзеевскіе вообще держались того мнѣнія, что хлѣбомъ и виномъ легче всего снискиваются расположеніе и дружба. Сдѣлавшись подканцлеромъ и взявши за женами порядочное состояніе, панъ Іеронимъ не измѣнилъ традиціоннаго обычая. Онъ и въ лагерѣ имѣлъ съ собой чѣмъ угощать, кормить и поить, и не жалѣлъ на это денегъ. Онъ убѣдился на опытъ, что гостепріимство его оплачивалось съ излишкомъ. Теперь же, когда предстояла борьба съ королемъ, которую онъ собирался только раздуть, чтобы потомъ самому же помогать гасить, теперь главнымъ желаніемъ подканцлера было собрать вокругъ себя самыхъ горячихъ, самыхъ знаменитыхъ лагерныхъ крикуновъ и бунтовщиковъ. Его конница служила ему очень ловко и была хорошей приманкой. Съ ихъ помощью онъ привлекалъ къ себѣ буяновъ и людей съ желчнымъ темпераментомъ.

Все это, никого не могло поражать, такъ какъ попойки и пирушки были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ войскѣ.

Только когда гдѣ-нибудь расхваливали короля и превозносили пановъ гетмановъ, — въ палаткѣ Радзеевскаго раздавались противоположные голоса. Здѣсь, слушая нашептыванія Радзеевскаго и его клеветовъ, обо всемъ отзывались недовѣрчиво и съ неудовольствіемъ. Болѣе чѣмъ когда-либо строгая дисциплина, на которой настаивалъ король, въ особенности ставилась ему въ укоръ.

Радзеевскій выслушавъ всѣ эти рѣчи, осторожно подливалъ въ огонь масла, но вслухъ ничего не говорилъ, боясь, чтобы словъ его преждевременно не донесли королю.

Въ своей конницѣ, въ числѣ ротмистровъ, онъ зналъ двухъ

отличныхъ бунцовъ: Казимірскаго и Прощку, изъ другихъ полковъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные бунны и крикуны собирались сюда же. О Казимірскомъ можно было сказать: „отъ рожденія курицы хохлаты“, потому что всѣ они, сколько ихъ ни знали, на всѣхъ сеймахъ всегда были противъ короля и за золотую свободу. Панъ Янъ, который былъ ротмистромъ у подканцлера, обладалъ громкимъ голосомъ, живой жестикуляціей, и былъ извѣстенъ своей ненавистью ко всему, что только стремилось возвыситься надъ шляхетскимъ равенствомъ.

Отъ этихъ риторическихъ усилій за виномъ, которое онъ долженъ былъ пить, чтобы у него не пересыхало въ горлѣ, у него всегда было красное лицо, иногда даже синее, впрочемъ красивое и украшенное огромными усами, хватающими даже за ухо. Темпераментъ и привычки. Казимірскаго вездѣ и всюду дѣлали его противникомъ и заставляли возражать.

Прощка, другой ротмистръ изъ конницы Радзеевскаго, не былъ говорунѣмъ. Онъ шепталъ тихо, подталкивалъ локтемъ, подстрекалъ на ухо, и молчаливый и угрюмый на видъ, игралъ не маловажную роль. Иногда только, когда что-нибудь больно задѣвало его за живое, онъ вспыхивалъ самымъ неожиданнымъ и самымъ грубымъ образомъ. Худой, высокій, Прощка постоянно шевелился, постоянно поправлялъ что-нибудь, хваталъ руками все, что только попадалось и тѣмъ обнаруживалъ внутреннее безпокойство.

Вокругъ этихъ двухъ постоянныхъ гостей подканцлера собирались сливки и пѣнки со всего войска, за исключеніемъ иностранной пѣхоты, которая держалась отдѣльно, въ сторонѣ.

Въ обыденномъ кружкѣ подканцлера отличались еще: Снарскій, ротмистръ Замойскаго, Банковскій изъ отряда хорунжаго Концнопольскаго и Моравецъ изъ полковъ Любомірскихъ.

На полѣ битвы Снарскій казался очень рьянымъ на видъ и прославился отчаянно безумной храбростью, но что странно, кричалъ во время битвы больше всѣхъ, гналъ другихъ, а самъ уходилъ. Только уже послѣ битвы, въ палаткѣ на мѣстѣ сраженія, когда все было окончено, онъ лучше всѣхъ описывалъ сраженіе, хотя часто рассказывалъ то, чего никто не могъ засвидѣтельствовать. Пусть только кто-нибудь посмѣлъ

бы возражать ему! взволнованный Снарскій выскакивалъ и начиналъ влясться:

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, провалиться мнѣ сквозь землю, порази меня первый громъ!

Такихъ клятвъ у него былъ большой запасъ и, заключивъ ими свой рассказъ, онъ всегда въ концѣ концовъ замазывалъ всѣмъ рты. По мнѣнію Снарскаго, войско всегда и всюду бывало въ обидѣ и поэтому слѣдуетъ прощать всѣ его выходки.

— Мы проливаемъ свою кровь, жертвуемъ своей жизнью, — кричалъ онъ, — а намъ даютъ только одинъ хлѣбъ, да и то только сколько, чтобы мы не умирали съ голоду. *Panis benemerentium!* а кто же его ѣстъ? Паны, а намъ не перепадаетъ ни крошки. Мы должны смотрѣть на пирующихъ богачей и облизываться.

Банковскій прежде всего былъ хорошимъ товарищемъ и незамѣнимъ на пирушкахъ. Когда онъ смѣялся, то такъ громко что его далеко узнавали по этому смѣху. Толстый, широкоплечій, сильный, онъ день и ночь готовъ былъ пировать и пить; высался полчаса сидя — и снова начиналъ *de noviter repertis*.

Наконецъ, Моравецъ, который служилъ, уже во многихъ полкахъ, переходя изъ одного въ другой, человекъ со средствами, богаче ихъ всѣхъ, всегда замкнутый въ себѣ, осторожный, — такъ и родился заговорщикомъ. Его считали жаднымъ и скупымъ, такъ какъ онъ никогда никого не угостилъ у себя кубкомъ вина. Отчего онъ связывался всегда съ людьми безпечными и держалъ ихъ сторону — это было непонятно. Но, гдѣ только кричали и волновались, тамъ онъ всегда являлся и поддакивалъ.

Радзеевскій особенно рассчитывалъ на Казимірскаго и Снарскаго. Эти двое бывали у него ежедневными гостями. Дня не проходило, чтобы который нибудь изъ этихъ заговорщиковъ не приводилъ новаго гостя, предварительно выслушавъ его пульсъ такъ ли онъ бьется, какъ у всѣхъ у нихъ. Эти новые поневолѣ увлекали за собой другихъ — и у подканцлера никогда не бывало пусто по вечерамъ. Онъ самъ всегда появлялся здѣсь, просиживалъ иногда очень долго и не скрывалъ своихъ мнѣній и мыслей. Главнымъ образомъ онъ осмѣивалъ короля и пророчилъ ему все самое скверное.

— Если бы онъ хотъ слушать хотѣлъ, — говорилъ онъ, — да нѣтъ! Бабу, королеву, онъ готовъ слушать, а преданныхъ и искреннихъ совѣтниковъ — никогда.

Отъ Люблина и Краснаго Става все росло и усиливалоcь неудовольствіе противъ короля, а послѣ открытія переписки и отъѣзда подканцлерши дѣло дошло до открытыхъ насмѣшекъ.

Что-бы только король съ гетманами ни порѣшили на совѣтѣ, все было глупо и скверно. Повѣшеніе пойманнаго шпиона сначала называли излишней жестокостью; а тутъ какъ разъ начали доходить постоянныя жалобы отъ крестьянъ на безчинства военныхъ и оказалось, что двое ротмистровъ Павловскіе напали и разграбили имѣнье подъ Свитажовомъ, дозволяя себѣ всякія насилія; король приказалъ предать ихъ военному суду и наказать какъ можно строже. Не было сомнѣнія, что они будутъ приговорены къ смертной казни.

Какъ разъ вскорѣ долженъ былъ собраться судъ, а такъ какъ у Павловскихъ было много друзей, то въ разныхъ мѣстахъ слышался ропотъ. Въ этотъ день въ палаткѣ подканцлера было на столѣ и дѣло Павловскихъ. Въ самый разгаръ бесѣды вошелъ подканцлеръ, къ которому Казимірскій на самомъ порогѣ обратился со словами:

— А что-же эти бѣднιάги Павловскіе?

Радзеевскій махнулъ рукой.

— Что? читайте заранѣе *requiem aeternam* — воскликнулъ онъ и показалъ на горло... — Иначе ихъ не могутъ присудить по гетманскому уставу, какъ къ смертной казни.

— Но король можетъ смягчить приговоръ, — вскричалъ Снарскій: — вѣдь выпросилъ-же подканцлеръ литовскій писаря изъ своей венгерской пѣхоты, который притащилъ въ лагерь связаннаго шляхтича и былъ за это приговоренъ къ смертной казни, выкупилъ же вѣдь его за четыреста злотыхъ.

Радзеевскій началъ смѣяться.

— А я хоть-бы по восьми сотъ далъ за cadaго изъ Павловскихъ, только-бы выставилъ себя на смѣхъ; король съ каждыиъ днемъ становится все суровѣе, совсѣмъ теряетъ голову. Ему кажется, что чѣмъ строже онъ будетъ, тѣмъ большимъ сдѣлается героемъ!

Снарскій началъ кричать изъ-за стола.

— Убійства никакого не было! Только порубили работниковъ. Какія тамъ жалобы во время войны, когда человекъ голденъ! Павловскій клянется, что хозяйка приказала работникамъ стрѣлять въ нихъ. Они развирѣпти, а ужъ разъ выломали двери и ворвались туда—разумѣется, никому не давали пощады! Во время войны, хотя-бы даже въ своей странѣ, это не новость, что солдатъ позволить себѣ лишнее иной разъ.

— Теперь какъ разъ время,—воскликнулъ Казимірскій, поднимая руки,—такъ строго обращаться съ храбрыми людьми, съ ротмистрами, когда непріятель на носу. Вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ сердца, онъ всѣхъ отталкиваетъ отъ себя.

— То же самое,—тихо проговорилъ подканцлеръ, окинувъ взглядомъ все собраніе:—говорилъ ему это и Лещинскій, говорилъ и я и другіе пробовали убѣдить его, что королю слѣдуетъ милостью привлекать сердца, а не отталкивать ихъ суровостью,—но онъ глухъ ко всему этому. Не только, что Павловскіе падутъ жертвой, но кажется онъ велитъ публично, на показъ всѣмъ казнить ихъ, чтобы всѣ видѣли это.

Снарскій даже вскрикнулъ:

— Вотъ такъ главнокомандующій. Я хорошо зналъ Павловскихъ. Правда, когда они были навеселѣ, не было для нихъ узды, но зато надо было видѣть, какъ оба они дрались на полѣ битвы. Старшій весь изрубленъ.

— Онъ напираетъ на то,—воскликнулъ Казимірскій,—что они рубили сундуки и забрали какія-то тряпки хозяйки да чистоганомъ золотыхъ двѣсти: а вѣдь это что? Пустяки! И за это лишать ихъ жизни?

— Нѣтъ,—воскликнулъ Банковскій,—не хочется вѣрить тому, что король не смягчитъ приговора. Хмѣль сидитъ у насъ на шеѣ, осаждаетъ Олыку, онъ того и гляди нагрянетъ, а тутъ прекрасное ободреніе для солдата—висѣлица и палачъ!

— Никогда-бы и не дошло дѣло до такой крайности,—прошепталъ, фамильярно садясь на столъ, Радзеевскій,—если бы не король. Я знаю это изъ самаго вѣрнаго источника, что и старикъ Потоцкій и Калиновскій просили за нихъ—поставить ихъ на первый огонь, когда дойдетъ до сраженія съ казакami. . пусть судитъ самъ Богъ... Но король настоялъ на томъ, что смерть ихъ необходима въ назиданіе, и что недоста-

точно обоихъ казнить, но непременно по срединѣ лагерь, на виду у всѣхъ и съ музыкой.

— До завтра, — проговорилъ Моравецъ, — король быть можетъ еще раздумаетъ.

— Кто? король? — разсмѣялся Радзеевскій. — Хорошо же ты его знаешь! Именно потому, что за нихъ просить, онъ запрямился и поставить на своемъ, желая показать, что онъ никого не слушаетъ. Такова ужъ натура слабыхъ людей: чѣмъ больше настаиваютъ, тѣмъ они тверже стоятъ на своемъ.

— Тѣ, которые раньше знали его, когда онъ былъ еще принцемъ, — началъ Прошка, — всегда говорили о его непостоянствѣ, но теперь онъ очень перемѣнился.

— Подождите до конца, — вмѣшался Радзеевскій, — перемѣнится онъ еще не разъ. Хамелеонъ этотъ самъ никогда не знаетъ, чего онъ хочетъ.

— На военномъ совѣтѣ разъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы идти на казаковъ, а то опять стоять, занявъ выгодную позицію и ждать. Приказываютъ намъ приготовиться, а между тѣмъ и недѣля проходитъ, а мы все стоимъ на мѣстѣ.

— Это правда, сказалъ Моравецъ, — но нужно и то помнить, что казаки, которыхъ приводятъ каждый день, каждый разъ говорить ивачѣ.

— Ужъ не имъ ли вѣрить? — прервалъ Радзеевскій. — У насъ передъ глазами весьма свѣжій примѣръ на этомъ Богданкѣ, котораго здѣсь въ лагерь принимали какъ избавителя, и онъ хвастался, что приведетъ цѣлые полки, отпавшіе отъ Хмѣля. Король приказалъ выдать ему на это денегъ, а теперь этотъ шельма хвастается, что надулъ дураковъ ляховъ.

Весь вечеръ прошелъ въ соболѣзнованіяхъ надъ судьбой Павловскихъ, какъ бы невинныхъ жертвъ, и всѣ, которые вышли отсюда, разнесли собой по лагерю неудовольствіе на короля и упрёки.

Подканцлеръ радовался, въ особенности, когда его предсказаніе сбылось; дѣйствительно, оба Павловскіе были казнены на глазахъ всего войска.

Поднялся большой переполохъ въ войскѣ и неудовольствіе на короля возросло. Но некогда было разсуждать, такъ какъ на другой же день прибылъ Конецпольскій, который прискакалъ

сюда съ небольшимъ отрядомъ, оставивъ свои войска подъ Берестечкомъ, объявляя, что казаки и татары приближаются, да и Забускій привелъ плѣннаго татарина изъ орды. Поэтому, на этотъ разъ объявили, чтобы всѣ, оставивъ воза, выступили завтра утромъ, и войско тронулось.

Не пройдя и двухъ миль, войско расположилось отдыхать, гдѣ и получили пріятное извѣстіе, что Олыку отстояли. Король очень обрадовался этому.

На другой день войско добралось до Лобачовки, уже въ небольшомъ разстояніи отъ Берестечка, куда присланный Конецпольскій казакъ, убѣжавшій отъ Хмѣля, принесъ извѣстіе, что ханъ татарскій соединился съ казаками.

Затѣмъ пошли дальше къ Берестечку, а между тѣмъ Конецпольскій вышелъ противъ казаковъ и удачно сразился съ ними. Онъ напалъ какъ разъ на тѣхъ, которыхъ прогнали отъ Олыки и, какъ говорятъ, положивъ ихъ съ тысячу на мѣстѣ сраженія, привезъ съ собой 400 возовъ съ фуражемъ и провіантомъ. Въ войскѣ очень радовались этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и чѣмъ огорчиться, такъ какъ захваченные возы заключали въ себѣ добычу съ разграбленнаго Полѣсья Волинскаго, гдѣ по крайней мѣрѣ 20 мѣстечекъ и деревень обратили въ груды пепла. Старались скрыть отъ войсва еще худшую вѣсть, которую принесли королю, зывая о помощи.

Какой-то измѣнникъ подражая Хмѣлю, поднялъ бунтъ на Подгорѣ. Такимъ образомъ, огонь, начинавшійся на границахъ Украины, перескочилъ на другой конецъ Рѣчи Посполитой и могъ залить ее всю, какъ высохшее поле.

Въ одно мгновеніе созвали военный совѣтъ, остерегаясь, чтобы не поднять переполохъ; всѣ, конечно, были согласны въ одномъ: пока пожаръ еще небольшой, тушить его, залить хотя бы кровью, чтобы потомъ, когда онъ разгорится, не пришлось тушить его руками. Объ одномъ только слѣдовало позаботиться, чтобы, отрывая у войска часть силъ въ такую рѣшительную минуту, когда уже готовились къ битвѣ—не лишать ихъ бодрости. Между шляхтой ужъ и такъ, благодаря разнымъ наплетываньямъ и подстрекательствамъ, раздавались дерзкіе голоса, которые поддерживалъ Радзеевскій.

Въ первый разъ увидѣли на лицѣ короля выраженіе уто-

мленія и колебанія; но это продолжалось очень недолго—рѣшимость и мужество вернулись къ нему. Онъ надѣялся на Бога, что онъ побѣдитъ все, лишь бы только народъ былъ ему вѣрной опорой.

Долго колебались въ выборѣ тѣхъ, которыхъ нужно было послать на усмиреніе бунта, пока мечникъ коронный Зебжидовскій и двое Любомірскихъ, Александръ и Кристофъ, не предложили свои услуги, въ надеждѣ, что на этихъ разбойниковъ большихъ силъ не понадобится. Поэтому рѣшили послать этихъ, а хорунжій Конецпольскій хотѣлъ еще послать въ Броды за пушками, но все чаще и чаще приходили вѣсти о татарахъ, такъ что было ужъ не до того.

Отправленіе Зебжидовскаго и Любомірскихъ старались скрыть, чтобы войско не знало о немъ ничего, ни объ этомъ бунтѣ, который грозилъ съ другой стороны.

Для Радзеевскаго, хотя онъ не былъ на военномъ совѣтѣ, все это не было тайной, а онъ радовался всему, что только могло увеличить заботы короля. Однако онъ сообразилъ, что говорить объ этомъ бунтѣ не стоитъ и припряталъ это извѣстіе до болѣе удобной минуты. Между тѣмъ, Казимірскій въ этотъ же вечеръ влетѣлъ въ свою обыкновенную компанію съ растрепанными волосами и лицомъ, еще болѣе краснымъ, чѣмъ всегда.

— Эй! эй!—вскричалъ онъ на самомъ порогѣ,—тутъ что-нибудь да не ладно! Между королемъ и панами гетманами нѣтъ единодушія. Имъ бы хотѣлось стоять на мѣстѣ и поджидать непріятеля, а король, услышавъ о появленіи Хмѣля подъ Дубномъ и Олыкой, хочетъ идти на него, раздавить и сразу покончить съ нимъ. Разумѣется, Потоцкому придется уступить—хоть онъ и опытиѣе, потому что король упрямъ; но что-то случилось, трудно только провѣдать, что именно, потому что мечникъ коронный и оба молодые Любомірскіе отправляются завтра куда-то въ сторону. Куда? зачѣмъ? Тайна. Намъ надо собираться всѣмъ въ кучу,—прибавилъ Казимірскій,—а тутъ какъ разъ въ это время уходятъ самые лучшіе полки!

Подкавцлеръ, сидѣвшій за столомъ, далъ понять, что онъ кое-что знаетъ.

—Поговариваютъ о бунтѣ хлопковъ на Подгорѣхъ,—пробормо-

талъ онъ,—а мнѣ такъ кажется, что это утка, пущенная казаками, чтобы разорвать наши силы.

Казимирскій задумался, другіе молчали.

— Бунтъ на Подгорьѣ!—повторилъ онъ,—бунтъ, на который понадобилось выслать цѣлыя полки!

— Безпорядокъ во всемъ,—подхватилъ Снарскій,—легковѣріе, головы ни у кого на плечахъ нѣтъ. А между тѣмъ что-же? Шляхта уже ворчитъ, напоминая, что она напрасно только тратитъ время, а король все ихъ держитъ.

— Хотятъ составить союзъ и переговорить съ королемъ.

— Гдѣ же это ты слышалъ?—спросилъ подканцлеръ.

— Гдѣ? Стоитъ только войти въ любую палатку и подставить ухо,—говорилъ Снарскій. — Больше всего ихъ возмущаетъ то, что король оказываетъ особенное покровительство нѣмецкимъ полкамъ и нѣмцамъ.

— Эхъ!—началъ Радзеевскій,—это ужъ не новость, что нѣмцемъ пахнетъ,—это началось еще при Сигизмундѣ, Владиславъ тоже гладилъ ихъ по головкѣ и любилъ, Янъ Казимиръ тоже почитаетъ ихъ. Намъ отъ нихъ не избавиться. Гувадьды всегда будутъ въ милости. Съ ними король чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, а съ нами ему неудобно, неловко.

— Шляхта,—продолжалъ Снарскій,—заявляетъ много подобныхъ претензій на короля, а умы ужъ такъ возбуждены, что того и гляди—воспламенятся. Я только боюсь, какъ бы они въ самую рѣшительную минуту, когда у насъ за спиной будутъ казаки, не приступили къ королю съ ультиматумомъ и не потребовали бы отъ него чего-нибудь такого, чего онъ дать не можетъ.

— Гмъ! — пробормоталъ молчавшій до сихъ поръ Моравецъ,—что же вы думаете? Тѣ, которые руководятъ шляхтой, рассчитываютъ приступить къ нему въ самую рѣшительную минуту, потому что авось тогда что-нибудь и выторгуютъ! Эге! у нихъ есть носъ: сейчасъ же проносятся.

За столомъ сидѣлъ въ первый разъ приведенный къ подканцлеру среднихъ лѣтъ мужчина—хорунжій Мазевскій, и молчалъ. Мало кто зналъ его здѣсь, кромѣ Банковского, съ которымъ онъ пришелъ. До сихъ поръ онъ слушалъ молча и осма-